

Эдуард Веркин

ЧЯП

10
ру5.1e

Провинциальная трилогия

Эдуард Веркин

ЧЯП

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

ЧЯП / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2016 — (Провинциальная трилогия)

ISBN 978-5-699-84813-3

Синцов не хотел ехать в Гривск, он вообще никуда не хотел ехать летом. Лето – время лени, безделья, компьютерных игр и иногда книжек, в общем, мечта предыдущих девяти месяцев. Но не в этот раз. А в этот раз лето – испытание на силу воли и твердость, устойчивость к лишениям, что значит – гостить у бабушки в провинциальном городке, без ноутбука и интернета. И как пережить эти мрачные обстоятельства, Синцову совершенно непонятно. Однако у Гривска оказались на парня свои планы, и разгуливающие по городу синие собаки, странный незнакомец, предлагающий взять у Синцова в аренду удачу, – только начало целой коллекции происшествий.

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84813-3

© Веркин Э. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1. Сон	6
Глава 2. Предложение	14
Глава 3. Грошев	27
Глава 4. Брат-разновидчик	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эдуард Веркин ЧЯП

© Веркин Э., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1. Сон

Отец прибавил газу и пошел на обгон, по днищу настойчиво застучала галька, «Опель» завыл турбиной и вырвался на встречу.

Справа замелькали внедорожники – раз, два, три, четыре, Синцов подумал, что это похоже на кино. На кинолентку, почти одинаковые вездеходы с толстыми захватистыми колесами, две с половиной штуки в секунду, слишком медленно, вот если бы ехать в десять раз быстрее, то было бы точно кино, за окном возник бы образ машины, составленной из разных кадров. Супермул, покоритель великих пустошей, воин дальних дорог.

Справа по шоссе тащилась колонна джиперов. Точно вырвавшиеся со съемок постапокалиптического боевика, джипы выглядели чересчур серьезно, по-настоящему. Политые грязью, оцетинившиеся кенгурятниками, лебедками, усилителями порогов и бамперов, нагруженные поверху зацепистой запасной резиной и непонятными баулами, блестя противотуманками и задирая дикой аэрографией, они тянулись в сторону Гривска, заняв почти полторы полосы узенького асфальтового шоссе, выпадали из лета. Сразу было видно, кто тут король дороги и, уж тем более, повелитель бездорожья, здесь вам однако не тут.

– Делать людям нечего, по кочкам гоняются... – пробурчал отец и увеличил скорость.

Синцов отметил, что среди джиперов царил подчеркнутый демократизм – в одной колонне шли «Нивы», «УАЗы», «Лендроверы», и «Лендкрузеры», и настоящий полевой «Хаммер», широкий, как танк, и неожиданный «Инфинити», и множество «газиков», пролез как-то даже пегий послевоенный «Виллис», интернациональный состав колонны подчеркивал, что перед настоящим русским ухабом и древнерусской грязью равны все.

Отец катил по встречке, ругая бездельников, которые, вместо того чтобы работать, стараться и всячески производить прибавочный продукт, месяц бездорожье с непонятными целями, мочалют резину, ломают мосты, выворачивают шаровые опоры и портят хорошую технику, которая в руках нормальных людей могла бы жить и жить...

Синцов подумал, что это он зря. Обгон зря затеял. Дорога извилистая и не очень ровная, машину подбрасывало на ямах, а конца джиперской колонны видно не было. И ведь торопиться-то некуда, к чему эти формулы? Сам Синцов предпочел бы так и тащиться в джиперском хвосте, чего там в этом Гривске делать? Комаров кормить? Если верить рассказам отца, комаров там действительно много, правда, сейчас от них есть химдымовское решение, а раньше вот приходилось спать в марлевых балдахинах. Синцов представил, как он будет спать в марлевом балдахине, и погрузился в очередной раз, уже в четвертый за этот продолжительный день.

В первый раз грусть случилась в пять утра. Синцов стоял на пороге своей комнаты, глядел на коробки с вещами, на пустые стены, на линолеум, задравшийся в углу, и понимал, что видит это в последний раз. Он прожил в этой комнате десять лет, он привык к ней, а теперь видел в последний раз. Нет, он знал, что теперь у него будет другая комната, в два раза больше, с балконом и отличным видом, в эту комнату можно будет поставить аквариум, повесить на стены полки, на которые войдут наконец все его книги, комната, в которую не стыдно пригласить одноклассников... Да и вообще, новая квартира будет лучше.

Но все равно.

Во второй раз печаль ожгла его сердце, когда отец не позволил взять с собой в Гривск Х-вох, мотивируя это странным – что бабушку-де нельзя допускать до электронных игр. Синцов удивился, однако отец объяснил, что бабушка чрезвычайно падка на электронные развлечения, что в конце восьмидесятых дедушка купил ему игру «Тайны океана», а бабушка увидела ее и вывалилась из жизни на четыре дня. До призовой игры она, конечно, добралась, но это стоило ей ухудшения зрения и обострения кистевого артрита. Если же она увидит в действии всю мощь

современных графических технологий, то может погрузиться в игровой угар до Яблочного Спаса. Так что лучше бы вообще не брать с собой никаких консолей, пусть даже и портативных, ограничиться ноутбуком и бабушке выдавать его только по вечерам для игры в «Косынку». Во избежание обострения и усугубления деменций.

В третий раз Синцов загрустил при пересечении Гривского района.

Их приветствовала довольно опрятная стела, а за ней сразу синел билборд, повествующий, что Гривскому уезду уже почти триста лет, что сам Гривск основан как крепостной острог еще во времена Петра Великого, что тут пролегал тракт, по которому за Урал гнали каторжников, и сам Достоевский по дороге на омскую каторгу останавливался откусать чаю в доме местного градоначальника Тряпкина. Что Гривск – это столица русского торфа.

Имелся на билборде и герб Гривска, на котором изображался почему-то бобер, сосредоточенно грызущий могучие древесина. Глядя на этого счастливого бобра, Синцов почувствовал себя немного Достоевским, медленно, но уже неотвратимо погружающимся в сибирские руды, вот только на чай градоначальник Тряпкин его сейчас вряд ли пригласит, бобров же Синцов вообще опасался. Настроение усугубило и то, что при пересечении границ района резко поменялся репертуар радио, и вместо бодрой универсальной попсы зазвучал шансон, причем в самом брутальном своем изводе. Перескок с Газманова на «колыбель, наколи мне купола» еще больше направил мысли Синцова в печальную сторону. Неосторожно представив, как он будет спать в засиженном мухами балдахине, Синцов загрустил совсем, а тут еще «Маз».

Из-за поворота вырлил «Маз».

– Ах ты...

Отец выругался и пристроился в разрыв между джиперами, едва втиснувшись между затюнингованной «буханкой» и камуфляжного цвета «тундрой». Водитель «тундры» слегка притормозил, пропуская Синцовых перед собой, и в благодарность отец помигал аварийкой.

«Маз» проехал мимо, окатив солярочным перегаром, салонные фильтры не справились, внутри машины завоняло чужим, отец опустил стекла, в машину вошел гривский воздух.

– Удачно попали, – сказал отец и хлопнул с досадой по рулю.

– Да не торопись, – посоветовал Синцов. – До города уже близко, ничего, пусть едут.

Но отец хотел торопиться. Не оттого, что они куда-то уж очень спешили, а потому, что он торопился всегда. Он нервничал, мигал левыми поворотниками и то и дело высовывался на встречу, но снова выйти на обгон не удавалось – так и тащились.

Джиперы же не торопились, катили не быстрее пятидесяти километров в час, и отец то и дело нервно колотил ладонью по двери.

– Да сколько же их тут... – отец снова попытался вырваться из коробочки, но по встрече катила новая фура, а за ней сразу цементовоз, пришлось возвращаться обратно.

– У них, наверное, ралли, – предположил Синцов.

Фура прогрохотала мимо, цементовоз опять же.

– А мне плевать, что у них ралли! – заорал отец и нетерпеливо выскочил из колонны.

Полоса была пуста, и отец добавил скорости, двигатель завизжал. В этот раз они успели. Колонна осталась позади, и отец теперь отыгрывал упущенное. До тех пор, пока не кончилась дорога. Кончилась она неожиданно, шоссе поднималось в гору и вдруг раз – и просто исчезло, оборвалось аккуратным рубежом, вот асфальт – и сразу же грейдер, песок с отсевом. Машину затрясло, Синцов уперся ногами крепче, нащупал затылком подголовник.

– Три года назад еще обещали сделать, так и не сделали, – отец опустил стекло в дверце и выставил в окно руку. – Теперь впереди двадцать километров терпения, ничего здесь не меняется...

Но, как оказалось, терпения потребовалось несколько больше. Двадцать километров закончились, потом закончились тридцать и даже тридцать пять, а асфальта не возникало. Машина ползла на второй передаче, стоило хоть чуть ускориться, как начинали стучать зубы

и брякать правая передняя стойка. Отец снова злился, и Синцов, кажется, понимал, почему – отец хотел по-скорому закинуть его к бабушке и побыстрее удрать из Гривска.

– А другой дороги туда нет? – спросил Синцов, когда почувствовал, как от тряски заболел живот.

– Есть еще две, – ответил отец. – Но они хуже этой, эта самая хорошая.

Синцов вздохнул. Дорога действительно была раскатана катастрофически. Фуры и прошедший дождь окончательно изуродовали ее, превратив в малопроходимое месиво, из которого то тут, то там торчали обломки асфальта. Когда «Опель» чиркал по ним днищем, отец скрежетал зубами и проклинал все подряд, начиная с производителей седанов экономкласса, выпускающих машины с предательски низким клиренсом, заканчивая районными коррупционерами от дорожной индустрии, расхищающими бюджеты. Синцов думал про другое. Он представлял, как проведет предстоящее время в Гривске. И как невыносимо будет это время, каждый его час.

В Гривске Синцов не бывал никогда, хотя отец и грозился отправить его погостить к бабушке чуть ли не каждое лето. Но обычно все было по-другому, обычно бабушка сама приезжала к ним на Новый год, привозила варенье, соленые грузди и сушеные груши, груши Синцов любил особенно. И бабушку тоже любил. Но ни груши, ни даже бабушка не могли оправдать лета, проведенного в Гривске.

Но другого выбора у Синцова не было – в июне они продали квартиру, а в новую вселись только в сентябре, и все лето жить было негде. Мама с сестрой Людмилой уехали к бабушке в Калининград, отец собирался все это время жить в офисе и уже купил для этих целей раскладушку, Синцова же сбросили к другой бабушке, папиной маме, в Гривск.

До Гривска было четыреста с лишним километров, отец посчитал, решил, что своим ходом будет дешевле, и они отправились на машине.

Четыреста километров пролетели не сказать, что незаметно, но кое-как почти незаметно, однако последние версты оказались трудны. И чем ближе они подбирались к Гривску, тем непроходимей становилась дорога, и Синцов стал подумывать, что не зря они поспешили с обгоном джиперов, если теперь они встрянут в лужу, будет кому выдернуть.

Но все получилось несколько по-другому. За семнадцать километров от города «Опель» в очередной раз наскочил на камень, который слегка подмял левый порог и поставил глубокий скол на дверце. На этом внедорожное терпение отца истощилось, он проклял родину Сусанина страшными проклятиями и свернул с шоссе в лес.

Синцов заметил, что, возможно, стоило немного потерпеть, недалеко осталось, на что отец сказал, что эту дорогу он помнит с детства, они тут всегда на великах гоняли, тут гораздо ближе, и вообще.

Со времен «всегда» все несколько изменилось. Лесная дорога подзаросла, так что машина двигалась по узкому коридору между деревьями, по корпусу скрипело и корябалось.

Синцов заметил, что никогда не поздно вернуться, но отец только злобно промолчал.

Когда ветви начали скрестить по крыше, Синцов попытался воззвать к голосу разума в очередной раз, но в очередной раз не был услышан. На девятом километре лесного пути они все-таки встали, машина закопалась в колеи, села на брюхо и дальше не пошла, сколько отец ни газовал.

Пришлось Синцову вылезти и толкать, упиравшись плечом в пыльный багажник. Толку от толкательной силы Синцова оказалось немного, помаявшись полчаса, отец плюнул и пнул машину в бампер, из-под бампера выпала высохшая лягушка. Некоторое время отец терзал телефон, затем вздохнул и смиренно отправился к переезду за трактором, Синцов же остался сторожить «Опель», разумно рассудив, что в машине надежнее, и комаров меньше, и от волков, если что, можно отгудеться, и, кстати, кондиционер, в то время как вокруг уже парил душный давящий полдень. Синцов разложил сиденье, запустил обдув, лежал в кресле, смотрел в небо

и размышлял о том, что дух Сусанина не следовало беспокоить без крепкой нужды, глядишь, и добрались бы без потерь, потихоньку.

Жара, синее небо, в лесу пели птички, каникулы в самом разгаре, но Синцову от этого весело не было, он все думал про кровожадных волков, безмозглых лосей и, наверное, россомах, про всех зверей, которые всегда не прочь погубить незащитного человека в лесу. О том, что предстоит мучительное время, наполненное незнакомым городом и отсутствием смысла пребывания в нем.

Обычное лето Синцова делилось на три неравноценные части. В июне он по настоянию родителей на протяжении трех недель в составе трудового отряда убирал городские улицы, озеленял дворы и строил детские площадки. Денег за это много не платили, однако таким образом Синцов отдавал обществу долг. Сам Синцов не очень хорошо понимал, в чем заключался этот самый долг, но в начале лета спорить с родителями еще не решался.

Первый месяц был относительно терпим, отбыв трудовую повинность с утра, Синцов выходил в вечернюю свободу и жил не без приятности. Потом наступал июль, время неотвратимого семейного отдыха. Весь год мама и отец выбирали страну, побережье, отель и береговую линию, выбирали обстоятельно, тщательно изучая отзывы на туристических сайтах, отчеты в соцсетях и записки путешественников периода Великих географических открытий. Совместный вояж скреплял семью, расширял кругозор и сужал мозг, Синцов ненавидел это мероприятие, но не участвовать в нем можно было лишь по уважительной причине, например, пребывая на смертном одре. Болгария, Турция, Тунис, Таиланд, Куба, только один раз Синцову понравилось путешествие – это был круиз на океанском лайнере к Карибским берегам, и все время пути Синцов болтался по кораблю, питался бесплатной пищей, пил газировку и любовался закатами.

Третий период, август, был самым счастливым временем лета. В августе родители отставали от Синцова, и он погружался в бездельную жизнь, лень и праздность. Синцов ждал это время, это было лучшее время в году, и теперь, когда счастливый август обернулся внезапной тоской, Синцов немного злился. Злость распространялась на Гривск и на всю поездку. Да, лето обещало быть незабываемым. Сегодняшнее путешествие это только подтверждало.

Синцов попробовал послушать радио, но в лесу с ним было еще хуже, чем на дороге, музыка сюда вообще не добиралась, даже про колыбельку. Из динамиков доносились исключительные шумы, которые сильно угнетали мозг, эти шумы, жара и укачанность организма привели к тому, что Синцов уснул.

Это был утомительный полуденный сон, тяжелый и яркий, такими могут быть только дневные сны, ночью такого сна не дождешься. Синцов увидел яркие пятна, услышал чье-то далекое пение, и еще более далекий железнодорожный состав, и сквозь сон сумел подумать, что он не слышал поездов уже давным-давно, а сейчас ему понравился этот звук, и кроме него еще какое-то чириканье услышал, и снова разноцветное драже из солнечных капель. Некоторое время Синцов держался, стараясь сохранить контроль над сном, но, конечно, не сохранил.

Ему снились реки, тропки, облака, провода, натянутые поперек неба, много, Синцов завяз в них и проснулся.

Радио отключилось. В салоне было тихо и жарко, стекла запотели изнутри, и некоторое время Синцов не мог понять, где он находится. Потом вспомнил. Он уснул в машине посреди леса. Отец ушел за помощью. Ситуация критическая...

Но немного поразмыслив, Синцов пришел к выводу, что ничего критического нет. Он не заблудился, не сбился с дороги, у него было где укрыться и было чем питаться – в багажнике лежали запасы, которых хватит на пару недель точно. Так что поводов для паники не находилось. Да и время терпело, всего лишь три часа...

Синцов зевнул. В машине сидеть надоело, хотелось продышаться, Синцов открыл дверь и выбрался наружу.

Почти сразу он увидел бруснику, белую, еще не успевшую созреть, не удержался и сорвал. Ягоды оказались горьковатые, но на вкус приятные, Синцов собрал в ладонь несколько кисточек и стал есть по одной.

Лес. Синцов увидел его неожиданно по-другому, словно чужим, чуть посторонним взглядом. Светлая сосновая чаща уходила чуть вниз покатым склоном, воздух был прозрачен вблизи и синел вдали, и там, в этой самой дали, покачивались в воздухе... Синцов не понял, что там именно колыхалось, что-то вроде шелесперых воздушных тритонов, вот так. Заинтересовавшись этим воздушным движением, Синцов направился в его сторону и почти сразу увидел гриб. Боровик. Синцов не очень точно разбирался в грибах, но спутать боровик с чем-то было трудно, Синцов наклонился, сорвал и тут же увидел еще один, буквально в метре.

Синцов огляделся и увидел, что грибов вокруг вообще много. То есть очень много. Синцов подумал – будет неплохо, если он нарвет грибов, отец рассказывал, что бабушка варит удивительную грибную солянку с сыром, молоком и сухарями.

Синцов стал собирать грибы. Сначала думал снять рубашку и складывать в нее, но рубашки стало жаль, поэтому он просто насаживал боровики на тонкие прутики, и скоро в руках у него было по три шампура и почти собирался четвертый.

Синцов шагал между соснами, старался выбирать грибы поменьше, и не забывая держать в уме направление, поскольку помнил множество историй про то, как пропадали в лесу люди, увлекшиеся собиранием грибов. Но с направлением было все в порядке – Синцов спускался под гору, и в случае чего выходить следовало наоборот. Следовало бы уже и выходить – грибов хватило бы на три кастрюли солянки, однако на Синцова навалилась жадность, и он не мог остановиться. Он выкинул большие грибы и собрал вместо них средние, а потом выкинул и средние, оставив только маленькие, те, которые хрустели, когда Синцов насаживал их на прутик. А потом что-то слева.

Что-то слева, он еще не успел туда посмотреть, но уже знал, что там что-то есть. Синцов подумал, что олень. Лес очень сильно напоминал олений бор, Синцов уже видел его на открытке, только не мог вспомнить, на какой именно. Поэтому Синцов подумал про оленя.

Он остановился и медленно, чтобы не спугнуть, повернул голову.

Не олень.

По лесу шагала старушка. Худая и высокая, в необычном белом халате. Синцов испугался этого белого цвета, потому что не понял, зачем в лесу белый цвет, но потом вспомнил – как его бабушка, отправляясь за малиной, всегда надевала белое. Потому что белое отпугивает мух, комаров и пчел, кроме того, белое отлично видно издалека, так что в случае если в лесу тебя хватит удар от жары и перенапряжения, то поисковикам отыскать тебя будет гораздо легче.

Старушка, кажется, тоже собирала грибы. Во всяком случае, она шагала ссутулившись, втянув голову в плечи, вглядываясь себе под ноги, так что издали были заметны только ее седые волосы, довольно, кстати, длинные.

Синцов неожиданно для себя самого понял, что в компании ходить по лесу он не любит, это неинтересно и как-то неправильно, и так все в городе друг на друге сидят, поэтому он повернул направо. Пора было возвращаться, грибов он насобирал много, и удалаться от машины слишком далеко не хотелось, пусть и в таком чистом лесу. Прошагал метров двадцать и снова повернул, направившись уже в горку к дороге, на которой осталась машина.

Обратный путь оказался не таким легким, Синцов шагал в подъем и скоро почувствовал, что начал уставать. А подъем не прекращался. Больше того, становился вроде как круче. Ноги болели сильнее, это Синцов отметил.

Вскоре Синцов отметил и еще одну странную и пугающую особенность – он явно шагал вверх, однако, оглядываясь, почему-то видел, что за спиной не спуск, а тоже подъем, отчего казалось, что он находится на дне огромной пологой воронки. И еще одно сравнение пришло Синцову в голову, что он – хомяк, угодивший внутрь чудовищного прозрачного пузыря, что,

сколько бы он ни бежал, впереди всегда будет подъем, и за спиной тоже будет подъем – со всех сторон.

Синцов почувствовал страх. Небольшой такой и вполне контролируемый страх. Синцов вполне понимал, что заблудиться он не успел бы – слишком недалеко отошел от машины, двадцать минут хода, но почему тогда...

Старушка, собиравшая грибы, снова показалась слева. Снова шагала параллельно, высматривая что-то на земле. Синцов помахал ей рукой, старушка на это никакой реакцией не ответила, продолжала идти. Энергичная такая, шустрая старушка...

Какая-то уж слишком энергичная. Старушке для того, чтобы снова оказаться от него по левую руку, требовалось сделать большой крюк. То есть очень большой, пройти почти в два раза больше, чем прошел он.

Старушка продолжала шагать...

Или не шагать. Синцов неожиданно заметил необычность в ее перемещении. Двигалась старушка довольно быстро, но при этом движений тела почти не просматривалось, словно она скользила над землей. Точно под ногами у нее лежал асфальт или лед, и не встречалось ей ни корней, ни поваленных деревьев, ни кочек.

И лица по-прежнему не видно.

Синцов испугался сильнее. Не так чтобы до перехвата дыхания, но все равно. Что за бабка такая? Какого черта она вообще тут делает?

Синцов прибавил и свернул чуть вправо, чтобы уйти от этой непонятной старухи, ну ее, мало ли сумасшедших по лесу шастает с сумками...

Синцов так и сделал, и даже больше, еще немного повернул вправо и еще немного ускорился, поскользнулся на камне и упал коленом в мох, а когда поднялся, обнаружил, что старушка в белом халате уже перед ним. Перед ним, но так и не повернулась лицом, точно у нее имелась всего лишь одна сторона.

Старушка оказалась перед ним, и в голове Синцова проскочила мысль, что старушка его окружает.

Окружает, умудряясь находиться всегда одним боком.

Когда Синцов понял, что бабка его окружает, он побежал. Потому что испугался уже по-настоящему. Наверное, он бы закричал, если бы это не было так стыдно, причем стыдно перед самим собой. Кричать, увидев в лесу старушку...

Синцов не мог до этого опуститься. Как он не мог и попросту кинуться от нее прочь – это тоже было глупо и позорно. Синцов попробовал взять себя в руки. Стоило немного отдышаться, прийти в разум и не поддаваться панике, чего, в конце концов, ей поддаваться?

Синцов стал дышать, стараясь не глядеть на старушку, а она точно застыла возле сосны, стояла не шевелясь, как бы превратившись в чучело, словно зависнув над серебряным мхом.

Подумаешь, старушка! Синцов улыбнулся, постарался во всяком случае. Мало ли старушек в лесу? Грибы собирает, ягоды...

В сумку.

Или просто гуляет, дышит воздухом, тут хороший воздух, может, она бывшая чемпионка по спортивной ходьбе, продолжает поддерживать себя в хорошей форме.

Может, она тоже заблудилась, может, ей помощь требуется, а она стесняется подойти? Старенькая ведь...

– Бабушка, вам помочь? – спросил Синцов. – Я, правда, сам немного... Может, вас до города подвезти, у нас тут машина.

Ему не ответили.

– Бабушка! – позвал Синцов.

Старушка не повернулась, как стояла, так и стояла, может, чуть покачиваясь только на невидимом ветру.

– Бабушка, а вы не знаете, где тут дорога?

Синцов услышал, как дрогнул его голос, свалился в позорный писк, так что пришлось повторить уже басом.

– Бабушка, а где здесь дорога?

Старушка не обернулась. Убежать захотелось сильнее, Синцов подумал, что он, пожалуй, не стал бы стесняться и побежал бы, чего уж там, только вот бежать он явно не мог. Ноги не слушались. Они сделались как длинные макароны, гнулись в коленках и не хотели двигаться.

Захотелось закричать, но вдруг Синцов понял, что крикнуть тоже не получается. Ничего не получалось, только стоять и смотреть. Вот и вышел прогуляться...

Белый халат на старушке был не совсем белым. Приглядевшись, Синцов обнаружил продолговатые темные пятна, а приглядевшись лучше, увидел, что это не пятна. Дыры. Белый халат оказался выеден временем, а пятна оказались просто дырами, халат порвался от ветхости, не порвался, а, наверное, распался. Но хуже всего было то, что в этих прорехах Синцов заметил.

Шерсть.

Под халатом у старухи темнела шерсть, точно старая протертая марлевая накидка была надета на медведя.

А яркая зеленая сумка была сплетена из свежей травы и напоминала гнездо.

Старуха не двигалась. Синцов не мог оторвать от нее взгляда, смотрел и смотрел, чувствуя, как начинают болеть глаза, особенно левый. В него точно насыпали ложку песка, накапали жгучего перечного соуса и дунули горячим ветром. Хотелось проморгаться, немедленно, но Синцов не мог, откуда-то он знал, что если он моргнет, на секунду закроет глаза, то старуха окажется ближе. Рядом. А потом еще ближе, так что Синцов услышит ее тяжелый земляной запах...

А потом старуха начала оборачиваться. Медленно. Она оборачивалась и не оборачивалась одновременно, как это объяснить, Синцов не понимал, просто знал, что если она все-таки повернется к нему лицом, ничего хорошего не случится.

Синцов заорал, на этот раз получилось, но не громко, а как через шальную апрельскую ангину. Он шарахнулся, и ему удалось вырвать из земли ноги, но он тут же снова упал, вцепившись руками в мох.

Старуха оказалась рядом. И действительно запахло землей, но не гнилой и тяжелой, а чистой и свежей, запах был не страшный, а наоборот, весенний, запах песка и последнего льда, но все равно Синцову стало... уже не страшно. Настоящий клубящийся кошмар.

Синцов попробовал ползти, не смог, точно влип в землю, точно на плечи навалилась мягкая безнадежная тяжесть. Синцов задохнулся.

Синцов проснулся, со свистом втянул воздух.

Прямо над головой старался давно голодный дятел, штрибил древесину, усердно точил висок, Синцов дернулся и очнулся окончательно. Он сидел в машине, навалившись грудью на руль. Слева у двери стоял отец и стучал согнутым пальцем в стекло, прямо перед капотом возвышалась траченная временем «Беларусь», тракторист разматывал с передка ржавый трос и дымил папирсой.

Синцов огляделся. Никаких старух, никакой земли, никаких красных яблок. Сон. Двойной. Это все жара, он уснул внутри сна и увидел себя со стороны, редкое явление, Синцов читал о таком в какой-то книге и читал, что сны во снах особенно мучительны и правдоподобны.

– Открывай! – позвал отец. – Надо петлю из багажника вытащить!

Синцов открыл дверцу. Внутри машины ворвался свежий лесной воздух и с ним парочка голодных слепней, Синцов выбрался из салона и стал дышать. Он смотрел на лес, точно такой же, как в его сне, только светлее и прозрачнее, и никак не мог избавиться от странного ощущения.

– Что с тобой?! – отец похлопал его по плечу, сунул в руку бутылку с холодной газировкой.

– Да так, ничего. Угорел немного...

Синцов потряс головой, стараясь выбить из нее остатки сна.

– Потерпи, скоро приедем, – успокоил отец. – Я бабушке уже позвонил, она окрошку режет. И пиццу печет с зеленым луком.

Синцов любил пиццу с зеленым луком.

– В сторону лучше, – посоветовал тракторист. – Сейчас дернем чутка, и все поедет...

Тракторист вкрутил в бампер стальной крюк, прицепил к нему трос, полез в «Беларусь».

Отец устроился за рулем, Синцов отошел в сторону и на всякий случай укрылся за сосну, мало ли, трос расплетется...

– Сейчас дернем, – тракторист выпустил дым, отстрельнул пальцем в сторону окурка.

«Беларусь» загудела, сдвинулась и потащила «Опель» по дороге.

– Тяни! – кричал отец. – Давай по-малому!

Дымок в месте, где упал окурка. Берегите лес от пожара, вспомнил Синцов. Он шагнул к месту, где дымило, и действительно обнаружил, что отброшенный трактористом окурка упал удачно – в центр поросшей моховой кочки. И теперь разгорался пожар, маленький такой аккуратный пожар, дунет ветер, и все.

Синцов свернул крышку с горлышка, залил огонь. Попил водички, залил огонь еще раз. На всякий случай сбил мох кедом, притоптал. Под кочкой открылась земля, песок и немного мелкой, с горошек, гальки. И гвоздь. Синцов сразу его заметил, необычный гвоздь, он был вбит в почву под острым углом и почти по шляпку. Синцову подумалось, что это странно, гвоздь в лесу, и он нагнулся и хотел этот гвоздь достать, но тут позвал отец.

– Константин! – крикнул отец. – Константин, поспешай!

Синцов оглянулся. «Опель» выбрался из колеи, отец ходил вокруг и отскребал с корпуса грязь. «Беларусь» поджидала в стороне, тарахтела, плевалась соляркой.

– Что там копаешься?

Ну гвоздь, подумал Синцов. Мало ли гвоздей?

Глава 2. Предложение

Проснулся Синцов действительно под балдахином.

Ложился спать на непривычно старинную койку, бодрое пружинное ложе, звеневшее от одного прикосновения, покрытое мягким снежным матрасом... То есть периной. Это была настоящая перина из сказок, Синцов понял это, едва прилег. Перина, легендарная пуховая перина, воспетая классиками и почти не знакомая современникам, испорченным матрасами с кокосовой стружкой, смешанной с холофайбером. Конечно, Синцов никогда не спал на аутентичной перине, однако стоило ему в ней оказаться, как он ее немедленно опознал, видимо, сработала генетическая память. Да и бабушка тоже рассказывала...

Впрочем, насладиться преимуществами перины сполна и осознанно у Синцова не получилось – буквально через минуту он выключился и спал глубоко, а когда проснулся, обнаружил над собой балдахин. Он был сшит из медицинской марли, но не нитками, а тонкой синей проволокой, видимо, для того, чтобы придать сооружению каркасную структуру. Синцов потрогал балдахин и подумал, что здесь, в Гривске, он встретит, наверное, множество вещей, которых нельзя встретить в городе. Настоящих вещей, прочных, продуманных, необходимых, исполняющих предназначение, а не занимающих место. Балдахин вот. Интересно, а почему бабушка не использует фумигатор? Это же эффективно и просто, вместо того...

Балдахин тоже ведь неплохо, подумал Синцов. Он вылез из койки, увидел прялку, кадку, ступу зловещего вида, Синцов не удержался, запечатлел ее для грядущего и начал свой первый день в городе Гривске.

Отец уехал с утра, не дожидаясь, пока проснется Синцов. Синцов усмехнулся, подумав, что отец отчего-то не очень хотел оставаться в своем родном городе, быстренько свалил домой. Наверное, в детстве его здесь травили. Называли Синим, или Синяком, или Синючилой, воспоминания детства – самые сильные в жизни, никогда не возвращайся в прежние места, это уж точно.

Бабушки дома тоже не оказалось, и Синцов стал распоряжаться сам. Отправился на кухню. На цветастой клеенке стола стоял накрытый тарелками завтрак, напомнивший Синцову семейку НЛЮ, решившую немного отдохнуть на подсолнечном поле, красиво. Вообще Синцов обычно по утрам никогда не ел, но тут внезапно почувствовал несвойственный аппетит. Синцов решил, что на исторической родине стоит прислушиваться к себе, он снял тарелки и обнаружил под ними гренки с плавленым сыром, самодельный черничный мармелад, колбасу, нарезанную кружочками, самодельный и явно соленый сыр и отчего-то ириски, поломанные кубиками. И само собой, молоко в высоком и модном зеленом стакане с шоколадной соломинкой.

Нет, прислушиваться к себе стоило, Синцов сел и отзавтракал с удовольствием и неторопливо, ощущая себя немного британцем.

В термосе на подоконнике он обнаружил кофе, правда, цикориевый. Сначала Синцов не хотел его пить, но потом вспомнил, что японцы цикорий уважают, и выпил.

Что ему было делать дальше, он не знал, побродил немного по дому, рассматривая фотографии на стенах, узнал своего прадедушку и прабабушку на черно-белой, узнал отца на цветной в свитере с оленями, остальных не узнал, но от этого не расстроился. Убил пролетную муху. Погрустил. Решил пойти погулять по городу, так, вообще, да и повод нашелся – от цикория разболелись зубы, и Синцов решил купить жвачки.

Ключ от дверей висел на гвозде на самом видном месте, Синцов подумал, что это не случайно, наверняка бабушка оставила ключ для него, а сама отправилась по делам, выписать дров. В прошлый раз, когда он был в Гривске, давно, лет уже как шесть, бабушка была сильно

озабочена дровами и все время старалась их откуда-то выписать, наверняка дровяной вопрос оставался актуален и поныне.

Синцов закрыл дом и отправился гулять. У него отсутствовал четкий план, но Синцов помнил, что в предыдущее посещение они с отцом частенько заходили в тир возле кино-театра и стреляли по банкам, отец стрелял хорошо, а Синцов разбил лампочку и рикошетом зацепил тирщика. Стрелять Синцову нравилось, Синцов иногда даже думал, что в нем пропал снайпер.

Кинотеатр располагался недалеко, и дорогу Синцов отыскал, однако оказалось, что кино-театр закрыт, тир сгорел и на его месте обильно колосилась лебеда. Стрельба не получилась, и несколько разочарованный Синцов двинул по улице дальше, посмотреть, что тут еще осталось.

Помимо тира из прошлого посещения бабушки ему запомнился мост, с которого они с отцом ловили голавлей на жженое сало, но так ни одного и не поймали. Впрочем, до моста идти надо было почти час, Синцов решил посетить мост потом, а пока побродить по городу.

Он шагал по улице Кстовской, а погода продолжала радовать, с самого утра стояла приятная, чуть пасмурная прохлада, сейчас же тучки расступились и над Гривском разогревалось солнце. Синцов переносил жару спокойно, но бабушкин сыр оказался все-таки чересчур пересолен, а мармелад, наоборот, пересладок, и теперь Синцову хотелось пить, и лучше холодненького, и это кроме зубной ломи.

Пару раз ему встречались водоразборные колонки, но напиться из них, как это они делали раньше с отцом, Синцов не решился, поскольку время не прошло для него даром, обогатился он множеством знаний, которые не прибавили ему микробиологического оптимизма. Особенно его смущали легионеллы, про них он прочитал недавно в журнале «Наука и жизнь», они, если верить автору статьи, в избытке водились именно в старых провинциальных водопроводах. Поэтому Синцов не стал пить.

К тому же вчерашний сон с шустрой косматой старушкой его тоже продолжал смущать. Старушка приснилась совсем не просто так, в этом присутствовал какой-то знак, предвестие или предупреждение, Синцов в этом не сомневался, только вот никак не мог понять, какое именно. Возможно, предупреждение о том, что не следовало пить откуда попало.

Синцов терпел жажду до ближайшего магазина с названием «Светлана-М».

«Светлана» размещалась в непримечательном одноэтажном доме, войдя, Синцов убедился, что, к сожалению, безжалостной поступи глобализации не избежал и Гривск – внутри было слишком чисто, кондиционировано и дезодорировано. Прохладительные напитки в запотевших бутылках по всем правилам маркетинга располагались в прозрачных холодильниках, Синцов выбрал литровую бутылку минералки и направился к кассе.

Он оказался единственным посетителем, а продавщиц в «Светлане» нашлось сразу три, две продуктовые, одна промышленная, и все они собрались кучно и стали смотреть на покупателя с упованием.

Синцов достал деньги и сразу огорчил продавщиц тем, что купит только воду и жвачку, увидев их печальные, почти отчаянные лица, он не удержался и решил взять еще немного товаров. Он попросил мороженое в вафельных стаканчиках в количестве двух штук, а в промтоварном отделе взял открывашку и средство от муравьев. Обилие покупок вдохнуло в женщин жизнь и энтузиазм, что привело к казусу – продавщицы разом кинулись к кассовому аппарату за сдачей и энергично нажали на него одновременно в несколько рук, как пианистки-виртуозки.

Кассовый аппарат не выдержал напора коммерческой страсти, внутри у него заклинило, и выдать сдачу в количестве семнадцати рублей он не смог. Синцов улыбнулся и стал есть мороженое, ну, пока не растаяло.

Самая старшая и самая опытная продавщица приступила тем временем к ремонту техники. Синцов отметил, что в ремонте она была не очень искушена, и весь процесс заключался

в том, что продавщица похлопывала аппарат по бокам и приговаривала «ну, ну, давай, собака». Руки работнице торговли достались не самого скромного размера, и от каждого удара внутри техники звякала мелочь, а зеленый электронный индикатор испуганно моргал.

Синцов ел мороженое. Недорогое, но неожиданно достойное, Синцов откусывал как от яблока, а жевал серьезно, как хлеб, что вызывало у магазинных девушек удивление.

Главная продавщица продолжала реанимационные мероприятия, при этом она несколько завелась и вступила в раж и, как показалось Синцову, избивала кассовый аппарат уже не в надежде его открыть, а просто из удовольствия. Из мести или для души.

В разгар избиения в магазине показался новый покупатель. Ровесник Синцова вошел и принялся выбирать из молочного ряда кефир, придиричиво осматривая каждую пачку, встряхивая ее и прислушиваясь к бульканью.

Синцов отметил, что при появлении ценителя кисломолочной продукции со старшей продавщицей произошла некоторая метаморфоза, она оставила в покое кассовую машину и теперь глядела на нового посетителя с отчаянием.

Остальные продавщицы тоже.

– Опять? – спросил появившийся любитель кефира.

– Опять, – ответила главная продавщица. – Сколько раз уже говорила, никак не могут поменять...

– Бывает, – успокоил парень. – Эта модель всегда, кстати, глючит, ничего удивительного, китайщина. Сейчас попробую наладить.

Он вежливо и осторожно отеснил Синцова в сторону, достал – Синцову показалось, что чуть ли не из рукава, – длинную тонкую отвертку, точным движением всадил эту отвертку в кассовый аппарат. Машина издала крысиный звук, то ли пискнула, то ли ойкнула, зажужжала электрической дрожью и выпустила денежный лоток.

Наверное, сын наладчика кассовых аппаратов, подумал Синцов. Кассового смотрителя. Тренируется на то, чтобы тоже стать наладчиком, и уже явно в этом преуспел, с кассовыми аппаратами на «ты», скоро станет мастером.

– Прошу, – кефирный человек уступил место у кассы Синцову. – Готово.

Синцов доел мороженое и стал ждать, пока кассирша отсчитает ему положенную сдачу.

С этим снова возникли затруднения, оказалось, что в самом аппарате в достаточном количестве нет мелочи, хотя и звенела. Продавщица попросила подождать еще минутку и удалилась в магазинные закрома, а другая продавщица виновато улыбнулась, а Синцов улыбнулся ей в ответ вполне себе дружелюбно. Случай в магазине только улучшил его настроение.

Показалась продавщица с трехлитровой стеклянной банкой, заполненной мелочью. Банка оказалась тяжела и слегка продавала прилавок, тетка запустила руку в горлышко, зачерпнула горсть монет, высыпала ее на алюминиевое блюдо и отсчитала Синцову сдачу, семнадцать рублей. Три пятерки и монету в два рубля, продавщица отодвинула деньги на край миски, Синцов их взял и направился к выходу, успев заметить, что ученик кассового инспектора посмотрел на него с каким-то интересом, с хищным таким, с местным.

На улице Синцов подумал, что этот интерес вызван тем, что он, Синцов, чужой. А в маленьких городках к чужим относятся настороженно, с генетической нелюбовью, чуть что сразу бьют по рогам или в репу, ну, как в «Путешествии из Петербурга в Москву». Во всяком случае, во всех фильмах все именно так и обстояло – стоило только бедолаге из большого культурного центра показаться в депрессивном ПГТ без тротуаров, как местная гопота тут же начинала его прессовать. Но не тут-то было – герой одиннадцать лет занимался айкидо, и местные при встрече с ним несли многочисленные потери.

Синцов стал есть второе мороженое, а еще открыл бутылку с минералкой, выпил половину и посмеялся над собой, подумав, что глупо все-таки пребывать в плену предрассудков, навязанных массовой культурой, сейчас ведь не как в старые времена. Ну да, они тут все друг

друга знают, ну да, властелин отвертки удивился пришельцу, но не более, купил свой кефир и сейчас...

Синцов обернулся и обнаружил, что парень шагает за ним. Причем шагает не как бы невзначай, а вполне определенно и с целью.

В этот раз Синцов начал нервничать сразу. Нет, имелась сотня причин, по которым этот парень мог шагать в том же направлении, но Синцов не захотел эти причины анализировать, потому что ему казалось, что это не случайно. Что парень его зачем-то преследует. Как та старушка во сне.

Старушка во сне вспомнилась сильно, и, чтобы убедиться в реальности окружающего, Синцов ущипнул себя за руку и пнул встречный булыжник. Все было в порядке, больно, не сон.

Не сон, но парень не отставал, шагал и шагал, метрах в пятидесяти держался.

По правую руку начался парк, хороший такой парк, ровный, как карандаши, красноватые сосны и тропинки, проложенные между ними. Парк огораживал свежекрашенный забор из железной решетки, значительная часть прутьев которой была разогнута минувшими поколениями. Глядя на эти прорехи, Синцов решил испытать преследователя – взял и свернул. То есть протиснулся между прутьями и быстро пошагал по тропинке в глубь парка.

Там был детский городок, старые карусели, железная горка, деревянные руины, там была эстрада в виде ракушки с пробитой крышей, вокруг эстрады собрались скамейки, Синцов сел на ближайшую и стал вытряхивать из кроссовки удачный камушек пирамидальной формы, одновременно осторожно оглядываясь.

Парень из магазина тоже был уже здесь, в парке. Более того, направлялся к нему. Точно к нему, в парке больше никого, безлюдный утренний парк в городе Гривске.

Чтобы продемонстрировать местному гопнику свою решимость в случае чего оказать сопротивление и свое суровое пренебрежение к разным там будущим инженерам по торговой и измерительной технике, Синцов совершил несколько действий. Во-первых, уронил мороженое и брезгливо не стал его поднимать. Во-вторых, демонстративно допил из бутылки минералку и стал вызывающе постукивать ею о деревянную спинку скамейки, совсем как настоящие киношные гопозавры. В-третьих, высморкался под ноги. Синцову казалось, что это выглядит опасно, он сам бы насторожился, увидев себя такого. Но, судя по всему, на местного гопника эти ритуалы не произвели никакого впечатления, он приветливо улыбнулся Синцову и тоже сел на скамейку.

Дальше Синцов не знал, как себя вести. Встать и уйти означало потерпеть моральное поражение, оставаться...

Оставаться тоже неприятно. Этому типу явно что-то требовалось. Скорее всего, он хотел Синцова просто ограбить. Сейчас он скажет, что это его город, его парк, его скамейка и он, Синцов, если хочет здесь дышать природой, а не огрести себе мегапроблем, должен тут же выложить полкосаря.

Но все случилось не так.

Местный сидел и молчал. И Синцов сидел и молчал, на всякий случай держа в памяти, что у местного где-то в рукаве коварная отвертка, раз – и саданет, кто их, здешних, разберет, кто их знает...

Это продолжалось долго, местный не торопился, а Синцов прикидывал – если сдвинуться первым, то это все-таки получится бегство и потеря лица на ровном месте или разумный шаг разумного человека? Небольшой провинциальный позор. Поэтому Синцов тоже не поспешал, усиленно делал вид, что наслаждается воздухом.

– У меня вопрос.

Местный нарушил молчание первым, Синцов обрадовался – вряд ли так мог начинаться реальный наезд. Обрадовался, но вида не подал, продолжал усиленно наслаждаться.

– Странный вопрос, – уточнил парень.

Синцов повел плечами, швырнул бутылку в урну, зевнул, ну, чтобы было понятно, что странным вопросом его не проймешь.

– Ты не мог бы продать мне мелочь?

Странный вопрос, действительно. Синцов ухмыльнулся. Ну да, конечно, ему нужна мелочь, кто бы сомневался.

– Я по пятницам не подаю, – сказал он усталым от жизни голосом тертого подпоручика.

Сегодня была не пятница, но эта неожиданно всплывшая цитата понравилась Синцову, ему показалось, что фраза эта даст понять незнакомцу, что шутить с ним не стоит, а наоборот, стоит расценивать как человека острого.

– Да нет, ты не так понял, – терпеливо сказал местный. – Я предлагаю продать мелочь.

Синцов постарался виду не подать. Ну, псих, подумаешь? Конечно, это очень символично – едва он приехал и вышел погулять, как немедленно наткнулся на психа, но что поделать, бывает, психи тоже люди, если псих не законченный и не опасный, он вполне может гулять по городу Гривску, и никто не бросит в него камень. Продать мелочь. Всего-то.

– Сдачу, – местный указал подбородком на карман Синцова.

– Сдачу?

Местный кивнул.

Семнадцать рублей, вспомнил Синцов. Стольник минус вода, мороженое два раза, мел от термитов, открывашка. Три пятерки и два рубля, четыре монеты. Псих. Сейчас выхватит отвертку. Отдать ему семнадцать рублей, что ли? Как-то уж совсем унижительно... Вышел погулять и немедленно был ограблен аборигенами, просто записки иностранца о Московии получаются, медведя с балалайкой на велосипеде не хватает, хромого и одноглазого. Впрочем, быть убитым отверткой тоже как-то недостойно звания человека. Сейчас достану мелочь, швырну ему в голову, а затем сразу правой в подбородок, так учил отец, надо быть мужиком...

Синцов достал деньги, пересчитал на всякий случай. Так и есть, семнадцать рублей.

– Семнадцать рублей, – сказал он. – Сколько дашь за них?

– Тысячу, – местный достал из кармана кошелек, из кошелька зеленую бумажку.

– Ага, две, – Синцов еще раз брутально сплюнул через зуб.

Вообще-то он на улице не плевался и сторонником плеваний не был, но тут ситуация была подходящей, только плевок мог выразить правильную палитру его чувств.

– Серьезно, тысячу рублей, – повторил местный.

И в доказательство заманчиво и театрально похрустел купюрой.

– Я тебе такую тысячу на любом принтере напечатаю за три минуты, – сказал Синцов. – И гораздо дешевле.

– Заблуждаешься, – ответил любитель мелочи. – Купюра настоящая. На, проверь.

Он протянул тысячу Синцову, тот взял, повертел, посмотрел на просвет. На настоящую похожа вроде. Хотя Синцов ненастоящих не видел, и поразглядывав купюру, он вернул ее местному.

– Все равно не отличу, – сказал Синцов. – Чего смотреть?

– А смысл? – спросил абориген. – Какой мне смысл тебя обманывать? В чем навар? Семнадцать рублей?

Синцов не ответил, стал думать. Вариантов, опять же, было много. То есть совсем немного, опять три. Первый, реалистический, легко объяснявший все. Собеседник все-таки псих, а что взять с психа? Псих, кстати, вполне может обменять тысячу на семнадцать рублей, психи, они такие. На психа он не очень походил, если честно, хотя... Синцов подумал, что в сортах психов он разбирается примерно так же, как в поддельных деньгах.

Второй вариант, как полагается, фантастический. Синцов вспомнил рассказ, где к одному мелкому торговцу явился мутный гость с поникшими ушами и предложил купить доллар за тысячу, и торговец поддался растлению халявой и продал. Закончилось все это весьма

плачевно, ослепленный наживой торговец продал таинственному незнакомцу планету Земля, после чего выяснилось, что незнакомец есть замаскированный пришелец и теперь по всем галактическим законам Земля принадлежит ему, поскольку продал ее житель планеты, и продал добровольно.

На замаскированного пришельца новый знакомец походил больше, чем на психа.

Третий вариант, криминальный. Едва Синцов поддается искушению и обменяет семнадцать рублей четырьмя монетами на одну тысячу купюрами, из-за деревьев немедленно появятся могучие друзья провокатора. Они немного побьют Синцова за незнание местных понятий и попытку развода и в качестве компенсации морального вреда отберут у него телефон.

– Да мало ли какой навар? – пожал плечами Синцов. – Предложение, говоришь... Ты вообще в своем уме? Семнадцать рублей за тысячу?

– Да, – спокойно кивнул местный. – Очень выгодно.

– Бери так.

Синцов барским движением протянул местному мелочь на ладони.

– Не пойдет, – тут же отказался тот. – Я должен купить, иначе это нечестно. И неправильно.

– В каком смысле нечестно? Я тебе их просто так отдаю, забирай, я не обеднею.

– Ты не понимаешь, – парень покачал головой. – Ты не понимаешь, я тебе сейчас объясню. Смотри. Вот это...

Местный взял двумя пальцами из ладони Синцова пятирублевик.

– Вот этот не стоит ничего.

Парень выкинул монету за спину.

– И это тоже не стоит ничего.

Местный взял другую пятирублевую монету и тоже ее выкинул, в этот раз монета попала в дерево и бумкнула.

– И эта...

Третья улетела дальше и выше, звонко скатилась по крыше веранды.

– А вот это, – местный взял оставшуюся монету, – это уже совсем другое дело.

– Два рубля, – заметил Синцов. – Ну, два рубля, и что?

– Два рубля две тысячи третьего года.

Это ничего Синцову не объяснило.

– Редкая монета, – сказал местный.

– В каком смысле редкая?

Местный монету вернул. Синцов поглядел на нее придиричливее и никаких признаков повышенной редкости и ценности не обнаружил. Два рубля, они и есть два рубля, не юбилейные, не серебряные, да, две тысячи третий.

– Действительно редкая, – сказал местный. – Два рубля Санкт-Петербургского монетного двора, две тысячи третий год. Могу вполне дать за них тысячу.

– Тысячу за два рубля? – переспросил Синцов.

– Легко. Не веришь?

Синцов не верил. Нет, он был человек культурный и про нумизматику слышал, Гангутский рубль, золотой царский червонец времен столыпинских реформ и червонец НЭПа, яйца Фаберже и прочие бронзулетки, а в прошлом году и в Оружейной палате с классом бывали во время поездки в Москву. Но это были вещи, овеянные ветрами веков и омытые океанами истории, а тут какие-то жалкие два рубля...

Развод. Несомненно. Учужал городского лоха, теперь разводит. Только как?

Синцов не мог понять, как конкретно, но разводу решил не поддаваться категорически.

– Многие не верят, – согласился абориген. – То есть не только не верят, но не знают. На этом построена вся нумизматика.

– На чем?

– На незнании, – улыбнулся парень. – Умирает дедушка или бабушка какая, ее внуки находят в сундуке банку с засаленными монетами, проверяют – есть ли серебро, есть ли советская юбилейка, а на старые грязные кружочки никто и не смотрит. А эти грязные кружочки могут стоить гораздо дороже золота, просто в разы дороже. С ходячкой так же. У каждого в кармане болтается, но не каждый знает, что именно. Ты думаешь, что это два рубля, за которые можно купить три коробка спичек, а знающий человек сразу отвалит тебе тысячу. Влегкую.

Местный снова продемонстрировал Синцову новенькую тысячу.

– Меня зовут Петр, между прочим, – сказал местный. – Петр Грошев.

– Костян... То есть Константин.

– К бабушке приехал?

– Да... А ты откуда...

– Неместные тут все к бабушкам на лето, – пояснил Петр. – Дедукция, однако. Монету-то продашь?

Синцов поглядел на монету еще раз. Нет, совершенно ничего выдающегося, два рубля, два рубля, вот хоть ты тресни, они все равно только два рубля. Потом поглядел на Петра.

Петр Грошев походил на гнома. Не на актуального гнома продукции голливудских кинематографистов, а скорее на классического, сказочного. Невысокий, тяжелый, но не коренастый, с сильно боксерским лицом. На всякий случай Синцов быстренько поглядел и на грошевские руки, на костяшки пальцев, но они оказались в норме, не разбитые, кожа не красная, руки человека, боксом не занимавшегося. Авария, может, подумал Синцов. Или с лестницы в детстве скатился, мало ли. Лицо бледное, немного синеватое, поломанное. Глаза красные, слезящиеся. Хотя если в монетах разбирается, то, наверное, нумизмат – от этого глаза и красные.

– Не продам, – сказал Синцов.

– А что так?

Это Грошев спросил с интересом, причем с исследовательским интересом, Синцов подумал, что таким вот образом усталый Ливингстон смотрел на пигмея, презревшего бусы.

– Не знаю, – ответил Синцов. – А ты сам потом ее за сколько продавать будешь?

– А может, у меня у самого такой нет? Может, я ее в коллекцию хочу?

– Не похоже, что нет.

Грошев согласно кивнул.

– Да есть, конечно. Продавать за пятеру буду. А если отлежится, то и дороже.

Синцов хмыкнул.

– То есть у меня купишь за тысячу, а продашь за пять?

– Ага, – согласился Грошев. – За пять, может, чуть дороже, если на аукционе. Как повезет.

– Нормально...

Синцов немножечко возмутился, утро – не лучшее время для наглецов, да еще и с такой говорящей фамилией, утром человек вообще злее и нетерпимее.

– Ладно, полторы, – предложил Грошев.

– Ага, позавчера мне позвони, я три раза отвечу.

Грошев достал еще пятьсот рублей, видимо, для убедительности, Синцов продолжал разглядывать свои два рубля, отметив, что теперь он разглядывает их с определенным уважением.

– Сам замучаешься продавать, – отчего-то с заботой сказал Грошев. – То есть ты, конечно, может, и продашь, но года через два. И только по постоплате. И есть шанс, что тебя кинут.

Грошев свернул купюры, постучал ими по скамейке, как недавно Синцов бутылкой.

– Кинут-кинут, – утвердительно повторил Грошев. – Новичков часто кидают. Так что полторы даю – и это край. Больше не могу дать, нерентабельно, себе же в убыток не буду покупать?

– Оставлю на память, – Синцов упрямо спрятал монету в карман.

– Зря, Костя, – Грошев убрал деньги. – Такая монета ценна только для знатока, это тебе не николаевские рубли. Ну, как знаешь, оставь на память, твое дело.

Синцову вдруг стало жаль денег. Неполученных. Этот Грошев все ловко разыграл, показал деньги, объяснил риски, разбудил жадность... Надо было продавать. Но Синцов не любил включать заднюю, очень не любил.

– Не передумал? – спросил Грошев.

– Нет, – твердо ответил Синцов.

Грошев зевнул. Уходить он явно не спешил. Будет уговаривать, подумал Синцов, до двух тысяч точно поднимется, подумал Синцов. И решил держаться.

Но Грошев уговаривать не стал.

– А ты часто вещи находил? – спросил он.

– В смысле?

– Деньги, мобильники, часы. На улице, в магазинах, везде? Находишь вещи?

– Нет вообще-то...

Синцов попробовал вспомнить, находил ли он что-то в своей жизни. Вспомнить не удалось. Нет, он, наверное, находил какую-нибудь ерунду, но, видимо, настолько ерундовую, что в памяти это не отложилось. Вот гвоздь недавно нашел во сне, только поднять не успел, проснулся.

– Не находил, – сказал он.

– Отлично! – обрадовался Грошев. – Просто здорово!

– Что же в этом отличного? – поинтересовался Синцов.

– Отлично-отлично, – подтвердил Грошев. – Вот мой телефон, если надумаешь монету продавать, звони. Полторы тысячи, больше не дам.

Грошев протянул Синцов визитку, Синцов взял.

Ого.

Визитка простая, без излишеств, «Петр Грошев» и номер телефона, черными буквами на белом фоне. Бумага, правда, не белая, а слегка коричневая, шершавая, в бороздках и прожилках. Но все равно визитка.

– Если надумаешь – звони, – и Грошев пошагал прочь явно в хорошем настроении.

Синцов остался на скамейке. Он не удержался и снова достал двухрублевую монету и снова стал ее разглядывать.

– А в лотерею не выигрывал? – обернулся Грошев.

Синцов хотел соврать, что выигрывал, но врать без нужды он не любил, помотал головой. Грошев показал сразу два больших пальца, видимо, невезучесть Синцова в лотереях его тоже как-то обнадежила. Синцов подождал, пока Грошев удалится окончательно, и поспешил домой. Зубы не болели, сами перестали.

Бабушка уже вернулась, дверь в дом была легкомысленно открыта, а из гостиной слышались телевизионные звуки. Синцов осторожно проскочил к себе в летнюю спальню и достал ноутбук.

Сетей не нашлось. Синцов попробовал еще и еще, но беспроводных каналов – ни свободных, ни запароленных в Гривске не было, во всяком случае, в этой части города. Синцов вздохнул. Сам виноват. То есть не виноват, конечно, так получилось – когда настало время перед отъездом делить технику, они с сестрой Люськой по-честному кинули камень-ножницы-бумагу. Люське достался планшет, Синцов же довольствовался стареньким нетбуком, поскольку свой планшет он месяц назад весьма неудачно уронил на отцовскую гирю. Так что с выходом в

Интернет объявились проблемы, выяснить про два рубля не получилось. Но на всякий случай Синцов переложил монету в рюкзак, в непромокаемый кармашек для документов.

Погрустив немного и поразмыслив, Синцов направился в комнату к бабушке.

Бабушка сидела в кресле, глядела телевизоры, передачи про здоровье шли параллельно по двум каналам, и бабушка внимательно смотрела их сразу. Теперь ясно, зачем они с отцом тащили сюда второй телик, бабушке иметь два телевизора на самом деле очень удобно, вот вечером еще сериалы начнутся, их тоже хорошо параллелить.

Синцов сел на диван и тоже немного посмотрел про базедову болезнь и про гастрит. Вообще Синцов отметил, что к здоровью бабушка относилась по-прежнему серьезно, почти вся гостиная оказалась заполнена соответствующими журналами и брошюрами, кроме того, на полках во множестве поблескивали стеклом бутылочки с разноцветными настойками и баночки с маслянистыми на вид составами, в воздухе же слезоточил крутой аромат «Золотой звезды». Бабушка, кстати, ничего что почти восемьдесят, выглядела бодро и явно в уме, Синцов подумал, что силу традиционной медицины недооценивать не стоит, не могут же ошибаться полтора миллиарда китайцев?

Бабушка, впрочем, смотреть медицинские программы вместе со внуком не очень хотела и посоветовала Синцову лучше снова идти гулять, погода-то хорошая, а в сарае лежит почти новый велосипед, его несложно починить, если руки растут из правильных мест, ключи там, тоже в сарае, в ведре.

Синцов сказал, что да, сейчас пойдет и починит, ну и на всякий случай поинтересовался, есть ли в городе какой Интернет. Бабушка неожиданно проявила осведомленность и ответила, что вообще вроде как есть, через две улицы Интернет уже точно показывает, а до них дотянут в будущем году, так что пока у них только по свистку. Синцов не понял, что такое Интернет «по свистку», на что бабушка пояснила, что это «когда сбоку такую штучку втыкают». Синцов догадался, что «штучка сбоку» есть модем, а значит, имеется и шанс подключиться.

Настроение улучшилось, в присутствии перспектив Интернета Гривск уже не представлялся черной космической дырой, местом, куда Синцов оказался сослан на два месяца, локацией, в которой гаснут все мечты о человеческом отдыхе и счастье. Синцов улыбнулся и представил, как из его тоскливой светелки потянутся нити к далекому, скрытому за лесами, реками, болотами и двадцатью тремя километрами бездорожья цивилизованному миру. Связь есть, осталось купить модем с симкой, все очень просто. Деньги у него были, отец, уезжая, сделал проникновенное лицо и выдал на карманные расходы десять тысяч, напутствовав, что тратить стоит экономно, с пользой для ума и здоровья, Синцов обещал, что так оно все и будет. Да, так оно и будет, он отправится в центр, купит «свисток» и высвистит мировую паутину, и два месяца в Гривске не покажутся такими уж месяцами.

И монету тоже проверит.

Интересно, сколько здесь модем стоит? Вряд ли сильно дороже, но канал наверняка тормознутый, только почту проверить...

Синцов представил, как он будет два месяца гонять в «Зомби Ап» на заикающемся нетбуке. Тяжело. Практически невыносимо. Но надо стиснуть зубы, взять себя в руки и терпеть. В конце концов, он мужественный человек, он обещал отцу, что не упадет духом, не запротестует назад и перенесет все трудности с достоинством, как и подобает настоящему Синцову. Осталось только модем найти, всего лишь модем, что может быть проще? Он пожелал бабушке приятного просмотра и крепкого здоровья, после чего отправился в свою комнату за деньгами.

Рюкзак висел на стене, Синцов сунул руку в тайный карман, вытянул деньги, документы и два рубля, они вывалились на койку совершенно случайно. Вот только что он их туда убрал, а теперь они снова выпали. Как нарочно.

Два рубля играли на солнце тусклым серебром, Синцов взял их и принялся в очередной раз разглядывать. Монета как монета, чуть потусклее, чем обычные, и да, две тысячи третий...

Развод, снова подумал Синцов. Какой-то хитрый развод, этот Грошев реально опознал во мне лопуха и попытался развести. Только как? Ага, понятно. Он предлагает за рубль полторы, я торгуюсь, он поднимается до двух, но говорит, что пятисот у него с собой нет. Полторы дает сразу, а за пятисоткой бежит якобы домой. И тут же ко мне подходит следующий герой, который предлагает уже пять, но через час. Тот, который за пять, уходит, возвращается Грошев, а я, чтобы откупиться, отдаю ему три тысячи. Итого – полторы штуки на ровном месте, и никаких особых усилий, ровненько и чистенько. А тетки в магазине «Светлана Мэ» с ним в сговоре, специально мне эту монету подсунули...

Синцов поморщился. История с драгоценными рублями все-таки выглядела слишком странно, но убедиться, на самом ли деле рубль такой ценный, возможности не имелось – как проверишь без Интернета? Значит, за свистком.

Он прихватил деньги и направился к выходу. Заглянул к бабушке, та все еще смотрела про укрепление здоровья, Синцов решил на всякий случай спросить:

– Ба, а вот я тут познакомился с одним типом... Грошев у него фамилия, ты их не знаешь случайно?

– Знаю, – ответила бабушка, не отрываясь от экрана, – по телевизору объясняли народные методы избавления от целлюлита. – Грошевых знаю, за линией раньше жили, потом переехали на Диановых. Это рядом тут. Кажется, в котельной работает, отец то есть. А мать в школе, в Липовке начальными классами... Дочка у них в Ленинград уехала работать, а парнишка учится вроде. Они раньше корову держали, молоко продавали, сейчас не знаю. Как зовут, не помню.

– Кого? – не понял Синцов.

– Корову, кого еще? Пятно такое на морде еще. Я тогда корову уже не держала, козу только, а они долго держали еще, все никак не могли отказаться. Мы за Пустынью их пасли.

– Спасибо, – сказал Синцов и удалился. – А где тут магазины у вас?

– Да в центре. Где рынок, помнишь? Вот там все вокруг теперь и есть.

До центра, где собирались торговые точки, по словам бабушки, было минут тридцать хода, подумав, Синцов в этот раз решил воспользоваться автобусом, мало ли кто еще пристанет? Он вышел к остановке, стал ждать и честно прождал почти полчаса, изучая историю города и судьбы его жителей по надписям на стенах. Автобус так и не появился, а местные опять смотрели на него с подозрением. На тридцать седьмой минуте Синцов решил не испытывать долготерпение аборигенов – а то еще сообщат в милицию – и отправиться в центр пешком.

Гривск неожиданно произвел на него приятное впечатление. Наличием урн с трогательными табличками типа «состоит на балансе ЗАО «Эпсилион Форте», «установлена на пожертвования ИП Бричкин», «частная инициатива УГА», «от коллектива пекарни № 2». Обилием самодельной скульптуры, составленной из крышек, пластиковых бутылок, крашенных колесиков и ржавых шестеренок и других сильно подручных материалов. Скамейками, оформленными в цвета и символику районов области. Непонятными памятниками, которые возникали то тут, то там в совершенно неожиданных местах.

Памятников действительно было много, и все они оказались по делу.

Вот на небольшой площади у городского суда сосредотачивалась стайка станков непонятного назначения. Приблизившись, Синцов прочитал, что это оборудование льнопрядильного и швейного цехов, закрытых за ненадобностью, а сейчас представлявшее художественную экспозицию. Несомненная близость суда создавала напряженное культурное поле.

У почты кучковалась целая композиция из старых телефонных будок, будки были художественно оформлены в разных исторических стилях, Синцову больше всего понравилась викторианская будка и будка, вкопанная в землю, стиль он определить затруднился, но на ней было выведено белой краской «позвони мне, позвони».

Вокзальная площадь оригинально себя не проявила, но совсем без художественного воплощения не осталась – на ней чернел традиционный для старых станций Северной железной дороги паровоз ИС. Синцов осмотрел паровоз и по мемориальной табличке убедился, что именно на этом паровозе были установлены многие рекорды скорости и грузоподъемности, что именно этот паровоз во время войны водил в бой бронепоезд «Ворошиловский удар», что именно он участвовал в освоении целины и в строительстве космодрома Байконур, что паровоз не на вечной стоянке, а на консервации и в любой момент готов еще послужить.

Кроме этой информации паровоз был щедро оклеен объявлениями, афишами и социальной рекламой, призывающей граждан активнее сдавать кровь и пристегивать ремни безопасности. Синцов любил читать объявления, среди них иногда попадались забавные, но на паровозе таковых не нашлось, местные жители уныло продавали навоз, пергу, подержанные «Нивы», польский конфискат и детские коляски. Синцов уже почти разочаровался, но тут увидел. Собственно, это было и не объявление, а самодельный плакат, даже в чем-то афиша. На листе ватмана в красно-черных тревожных тонах неровными тревожными буквами было написано:

«Королева поэтов Элеонора Царяпкина и ее верные клеветы из Общества Братьев Дятловых объявляют ежегодное поэтическое ристалище. 15 июля с. г. на Вокзальной площади возле Паровоза им. тов. Чумбарова-Лучинского в жаркий полдень мы обрушим на вас испепеляющую ярость пены дней! Приходите! Приводите детей!»

Синцов подумал, что это он обвиедился. Гривск подкрался незаметно. Такое бывает, идешь-идешь, потом раз – и уже вляпался. Королева поэтов Элеонора Царяпкина из Общества Братьев Дятловых 15 июля будет ристаться на поэтическом поприще. Приводите детей. Паровоз Чумбаров-Лучинский рекомендует. Мама.

Не удержавшись, Синцов запечатлел афишу на мобильник и отправился дальше в поисках салона связи, хотя Элеонора Царяпкина не отпускала. Он шагнул по улице Гурьева, немного ее узнавал, но сосредоточиться на памяти не мог, потому что Царяпкина. Прицепилась.

Он совершенно против своей воли представлял эту Царяпкину. Любит стихи, любит животных, не красавица. Красавицы любят себя, фитнес и не сильно жалуют поэзию. И уж тем более не читают стихи с паровоза. И что за дурацкая фамилия? Царяпкина. Хотя с такой фамилией, наверное, и надо быть поэтом. Жечь глаголом и царяпать предлогом заскорузлые провинциальные выи.

Синцов остановился и улыбнулся себе, «заскорузлые провинциальные выи» ему понравились, про «выи» он прочитал у Гоголя, не поленился узнать значение, и вот теперь выпало применить и запомнить. Хоть самому на паровоз, честное слово.

Синцов оглянулся на Чумбарова-Лучинского, отметил, что паровоз отлично вписывался в площадь. И вообще, чувствовалось, что, несмотря на небольшое количество населения города Гривска, население это склонно было к прекрасному и не чуждо художественных проявлений, кроме того, население это явно ценило историю родного края. Размышляя об этом и о том, что в крупных городах краеведческий огонь если не совсем погас, то теплится лишь в пыльных лампадах унылых энтузиастов, Синцов направился дальше по улице Гурьева и скоро вышел к месту, где некогда находился старый рынок.

Деревянные павильоны, памятные ему с детства, разумеется, не сохранились, их место теперь занимали многочисленные ларьки и магазинчики, упорядоченно расположенные на заасфальтированном пространстве. Рынок работал, Синцов отыскал салон связи и был разочарован – девушка-связистка сообщила, что модемы закончились буквально вчера. Синцов не поверил. Девушка кивнула на пустую витрину.

- У нас всегда так, – сказала она. – То ничего нет, то сразу раскупают. Вахта же приехала.
- Что приехала?
- Вахта. Ты что, с...

Тут девушка тонким чутьем опознала в Синцове чужака и сказала, что раз в три месяца местные мужики отправляются бригадами на Ямал, работают там, потом возвращаются с деньгами. Вот когда они с деньгами возвращаются, во всех магазинах приключается коммерческий ажиотаж, покупают все, ну а телефоны и прочие гаджеты просто подметают. Так что модемов нет и не будет до конца месяца, тогда новые подвезут. Если очень нужно, то стоит посмотреть у конкурентов, через два киоска, но там цены не те.

Синцов отправился к конкурентам.

В другом салоне, как и говорила девушка, модемы оказались в два раза дороже, кроме того, продавец предупредил, что связь устойчиво работает не на всей территории города, виной тому сложный рельеф и прочие природные условия, гарантировать стабильность, одним словом, он не может. Синцов некоторое время терзался, потом сказал себе, что не готов отдавать кучу денег, да еще и рисковать в придачу, поживу без Интернета, сказал себе Синцов, как-то люди ведь живут без него? На вопрос о причинах высокой цены модемов продавец ответил, что он не виноват, это хозяин, в город ведь вернулась вахта, потом фестиваль джиперов, одним словом, на всю актуальную технику объявлен гринго-прайс. Рынок-с, однако.

Синцов впервые в жизни почувствовал себя немного гринго.

Он походил по базару, увидел много упитанных собак, слонявшихся без дела и валявшихся без дела же на земле и на холодных канализационных люках. Собаки эти были какой-то исключительно гривской породы, лохматые и черные, как тибетские мастифы, ленивые и хитрые. На чужака они поглядывали с зажатым подозрением как на пищевого конкурента.

Кроме собак на рынке были еще вьетнамцы, они торговали сахаром и тапками, тапки присутствовали в ассортименте, и Синцов с трудом поборол в себе неожиданный импульс купить зеленые бабуши с фривольной символикой. Но пройти мимо старушки с самодельной пастилой не смог, купил полкило. Про пастилу, сваренную по купеческим рецептам, Синцов видел передачу по «Дискавери», про то, что настоящие европейские лакомки прилетают аж из Цюриха за фунтом-другим настоящей русской пастилы.

Пастила оказалась выдающейся, «Дискавери» не врал. Не очень сладкой, не очень кислой, очень натуральной, Синцов, правда, натуральной пастилы никогда не пробовал, но понял, что эта – настоящая. Сказал старушке «спасибо».

Вообще раньше старушек тут водилось больше, и с пирогами, и с грибами, и особенно с семечками, вспомнил Синцов, отец всегда покупал семечки, соленые, пахнущие кубанским маслом. А еще здесь стояли грузовики с приемщиками стеклопосуды. И какой-то дед точил пилы и прилаживал топорщица к обухам. Вот под этим самым столбом. Столб почти не поменялся, только проржавел, а еще теперь на нем висел плакат Царяпкиной, а под ним лежала синяя собака. Синцов подумал, что обман зрения, но приглядевшись, убедился – синяя собака. Не какой-то лишний бобтейл с легкой просинью, а собака интенсивно синего цвета, явно крашенная, на всякий случай Синцов ее сфотографировал.

После синей собаки Синцов подумал, что стоит, пожалуй, пойти на мост его детства, и двинулся в нужную сторону, однако далеко по этому пути не продвинулся, поскольку обнаружил, что за ним увязалась эта самая синяя собака.

Синцов думал, что она просто гуляет, однако синяя собака уверенно следовала за ним. Плелась и плелась, так что Синцов уже в очередной раз за полтора дня пребывания в Гривске начал подозревать. Через две улицы он догадался – собака действительно шагала за ним не просто так, собака оказалась любительницей пастилы. Синцов достал кусочек, и собака тут же облилась слюной.

Никаких требований, впрочем, настырная псина не предъявляла, просто волочилась. Местные могут подумать, что это его собака. Что это он ее выкрасил. Приехал в гости к бабушке, поймал собаку, выкрасил и выгнал прочь без средств к существованию. А здесь так не принято. Поэтому Синцов не стал бороться с собакой, отдал ей остатки пастилы. Собака «спа-

сибо» не сказала, а Синцов почувствовал, что устал. День получился беспокойным, а между тем он не перевалил даже за половину. Но синяя любительница пастилы стала для Синцова последней каплей, он вдруг почувствовал, что хватит, даже мост из детства радовать перестал. Пора вернуться домой. Подумал Синцов и увидел автобус.

До дома он доехал за пять минут. Бабушка продолжала смотреть телевизоры во сне, Синцов не стал их выключать, чтобы не разрушить гармонию, бабушка счастливо улыбалась.

Синцов осторожно прошел на кухню и опрометчиво съел полбанки холодной сметаны. Сметанный удар подкосил не хуже ворошиловского, захотелось кофе из машины, но кофе не было, Синцов стал пить заварку из чайника, на цикорий не решился.

Бабушка проснулась, сомнамбулически перелегла на диван и уснула снова, телевизоры не выключила, даже во сне оставшись в эфире. Синцов допил заварку, почувствовал скуку. Вернулся в свою комнату, взял с подоконника и попробовал почитать книгу «Гривск – город-загадка», но никакой загадки на первых страницах не нашел. Автор, местный краевед П.В. Дольников, как водится, выводил историю Гривска из седой и замшелой древности. Рассказывал, что город был основан примерно в одно время с Ладогой, само собой, лежал на пути из варяг в греки, и сам Великий князь Юрий Долгорукий, проезжая здешние места сразу после основания Москвы, был удивлен обилием рыбы в водах и птиц в воздушных и в большом от этого множества вдохновении соскочил со своего верного козла, неосторожно запутавшись при этом в гриве шеломом работы византийских мастеров. Челядь, стремянные, стольники и смерды, встречавшие визит князя с большим энтузиазмом, кинулись на помощь Юрию, но тот уже справился сам – выхватил из ножен клинок харалужный и отсек конскую гриву по самые корни. Гриву сию он кинул в реку, которую с тех пор стали называть Гривкой. Сам же город долгое время именовался Юрьевцем, но поскольку стараниями Долгорукого Юрьевцев на Руси завелось несметное количество и жители их от постоянной путаницы испытывали дискомфорт, в семнадцатом веке город окончательно переименовали в Гривск. Существует, впрочем, еще несколько поэтических легенд о возникновении названия...

Дальше, примерно с третьей страницы, краевед Дольников врал еще самозабвеннее, но никакой загадки предъявлять не торопился, Синцов почувствовал, что от этого вранья он погружается в сон еще сильнее, чем от сметаны, и решил с этим бороться. Он дотянулся до телефона, нашел визитку Грошева и позвонил.

Грошев ответил сразу.

– Да.

– Это я, Костя. Сегодня в парке, тот, у которого два рубля.

– Привет, Костя. Надумал монетку скинуть?

– Ага.

Грошев улыбнулся. Синцов был просто уверен, что Грошев улыбнулся.

– Приходи, – сказал Грошев. – Я недалеко живу, на Диановых, двадцать три. Это от твоего дома два раза направо.

– Ага, сейчас.

Два раза и направо.

Глава 3. Грошев

Улица Диановых располагалась перпендикулярно улице Мопра, на которой жила бабушка. Синцов остановился на перекрестке и немного подумал, кто такие были Диановы и кто такой был старик Мопр, потом отправился дальше, рассудив, что ломать голову не стоит, мало ли улиц со странными названиями?

Грошевы жили в доме № 23. Дом оказался большой, старый, прочный, вокруг яблони, акация, цветы. Два гаража, справа и слева, возле левого стояла новая «Нива», возле правого мотоцикл с коляской. Мутно-зеленого цвета, старой конструкции, но на новеньких шипастых шинах, бодрый такой мотоцикл, с кожными кофрами, с дополнительной фарой. Боря. На коляске написано «Боря». Значит, Боренька. Вполне. Синцов не очень хорошо знал Грошева, но отчего-то ему показалось, что имя для мотоцикла придумал именно он.

Забор вокруг дома тянулся невысокий и декоративный, крашенный белым, калитка распахнута, Синцов вошел. Ничего необычного, двор как двор, из непонятного только вросшая в землю колесная пара от узкоколейного вагона, крыльцо высокое, бочка с водой под водосток, и дверь тоже открыта, и на ветру покачивается зеленая москитная сетка. Синцов подумал, что в Гривске все по-простому, двери мало кто закрывает, воровство явно слабо развито, оазис, остров спокойствия.

Даже звонка на дверях нет, видимо, принято входить, не обозначившись. Или надо стучать кулаком в раму.

Но стучать не пришлось – показался Грошев. Он был обряжен в сильно замызганный спортивный костюм, поверх которого маслянисто чернел длинный кожаный фартук. В руке горящая паяльная лампа.

– Привет, Костян, – сказал он. – Проходи в дом за мной.

Грошев взмахнул лампой, москитная сетка с треском загорелась, Грошев ругнулся, сорвал ее и утопил в бочке с водой, сетка зашипела и завоняла.

– Проходи, – повторил он. – Боты можешь не снимать.

Синцов поднялся на крыльцо, оказался на веранде с длинным столом, самоваром и креслами-качалками в количестве трех штук. Обитая толстым войлоком дверь вела в длинные сени, делящие дом на две половины. Комната Грошева находилась в левой.

Это была самая необычная комната, которую видел Синцов. Самая. Нет, он бывал в комнатах, в которых царил бардак после переезда, в которых репетировала панк-группа, хозяева которых были оголтелыми юными натуралистами, хозяйки которых беззаветно любили Брэда Питта, но всем этим комнатам было далеко до комнаты Грошева.

Мастерская, не комната, а мастерская. Три больших окна вдоль стены, под ними верстаки, две штуки, на верстаках инструменты совершенно разные, от шербатых зубил до небольших токарных станков и ванночек с опущенными в них электродами.

Два потрепанных полосатых дивана, просиженных, утративших первоначальный цвет, но явно еще крепких, тот, что побольше, стоял на квадратных гирях, тот, что поменьше, – на силикатных кирпичках.

Вдоль стен синие пластиковые ящики из-под пачек молока, в ящиках мешочки, перевязанные бечевками и опломбированные. Много мешочков разного размера, и большие и маленькие, белые, зеленые, некоторые вообще полиэтиленовые. Трехлитровые банки, набитые мелочью, обрезанные пластиковые бутылки, наполненные черными и позеленевшими кружочками, шкатулки, графины, графинчики, чернильницы, они стояли и лежали везде. Еще много всего, Синцов окинул комнату взглядом, но не сумел сразу понять, что здесь и как, слишком велико было обилие вещей, Синцов не сумел присмотреться ко всем, заметил только самые крупные, яркие и знакомые.

Рядом с большим диваном – журнальный столик, а на нем компьютер.

Да, компьютер порастил Синцова особо. Он был безжалостно полуразобран, из него торчали шлейфы и кабели и неожиданные прозрачные трубопроводы с текущей жидкостью, к компьютеру крепились блестящие радиаторы и дополнительные вентиляторы и приспособления, назначения которых Синцов не знал. Одним словом, машина имела законченный киберпанковский вид, но даже сквозь этот дикий колхоз Синцов ее узнал. Это был МАС Pro, мечта утонченных компьютерных маньяков, мощный и стильный аппарат, визитная карточка, отличавшая унылое школоло, привыкшее натирать мозоли об клавишу в виртуальных боях с такими же лузерами, от реальных уважаемых людей. С подобными машинами Синцов пересекался только в магазинах, цены у них были облачно-заоблачные, и Синцов никак не ожидал встретить такую культовую вещь в Гривске.

Впрочем, здесь к ней, судя по всему, относились без должного уважения, творение американских гениев Силиконовой долины было усовершенствовано самым пренебрежительным образом и теперь выглядело вполне себе по-русски. На экране синели какие-то таблицы с цифрами, насколько успел понять Синцов, загружались данные с интернет-аукционов. Сбоку от компьютера стояло устройство, назначение которого Синцов точно не определил: корпус из полированного алюминия, из него торчали старинные электронные лампы. Лампы светились и немного гудели, а само устройство соединялось с компьютером толстым кабелем.

– Усилитель, – пояснил Грошев, натягивая резиновые перчатки. – Хай энд немного. Люблю иногда музычку послушать. На компе образы загружены, каждый раз лень диск в плеер грузить. Музыка успокаивает...

– Хай энд? – почтительно спросил Синцов.

– Ага. Не самый хайэндистый, конечно, но ничего так, вполне, для наших глушей пойдет. Думаю, в нашем Зажмурье больше ни у кого такого нет.

Грошеву явно понравилось, что комната произвела на Синцова впечатление.

– Нормально...

Синцов кивнул.

– Люблю такие штуки, – Грошев прикрутил огонь в лампе, подошел к верстаку. – Редкие. Рядом с ними как-то приятнее находиться, как ты думаешь?

– Наверное. Не знаю, у нас дома никто ничего не собирает.

– Обделяете себя, – сочувственно сказал Грошев.

На верстаке, зажата в тиски с резиновыми губами, находилась...

Синцов не знал, как назывался этот предмет, но раньше его он видел. В фильмах, в мультфильмах, на картинках. Та штука, в которую помещалась лучина, освещавшая сумрачный быт небогатых русских крестьян. Держатель для лучин, одним словом. Древнерусский канделябр. Впрочем, держатель был выполнен не без кузнечного мастерства, украшен загогулинами, цветочками и листочками, Синцов почему-то сразу вспомнил бажовские сказы и Медной горы хозяйку, время держатель, само собой, не пощадило, и теперь Грошев это исправлял с помощью паяльной лампы и металлической щетки.

– Светец чищу, – объяснил Грошев.

– Зачем? – не понял Грошев. – В смысле, зачем он нужен, железка ведь...

– Продам потом. Сейчас почищу, немного пройду с серной мазью, патина прилипнет – и вещь хоть куда.

– То есть?

– То есть найдется куча народа, которая захочет это у меня купить.

– Ясно. Кстати, вот монета, – Синцов протянул Грошеву два рубля.

– А, да, монета...

Грошев поставил лампу на верстак, достал из глубины фартука пакетик из плотного полиэтилена, спрятал монету, а пакетик кинул в банку с другими такими монетами в пакетиках. Другой рукой Синцов достал деньги и вручил их Синцову.

Синцов несколько разочаровался. Он думал, что он передаст монету при каких-то более торжественных обстоятельствах, с соответствующим выражением лица, что столь ценную монету Грошев поместит в специальную пластиковую капсулу и уберет в сейф, пожмет ему руку, скажет несколько веских слов. Поэтому прозаичность момента Синцова нахмурила. Грошев, видимо, это понял, улыбнулся и объяснил, кивнув на банку:

– У меня шесть штук таких лежит.

– Зачем?

– Жду, – ответил Грошев.

– Чего?

– Благоприятной обстановки на рынке. Сейчас время покупать, когда придет время продавать – буду продавать. Все просто. Увлечение коллекционированием всегда идет по синусоиде.

– Понятно. Можно посмотреть?

Синцов кивнул на банку.

– Конечно. Смотри.

Синцов взял банку, достал несколько пакетиков. Монеты две тысячи первого, две тысячи второго и две тысячи третьего года, рубли и двушки.

– Вот еще посмотри, если хочешь. Там тоже монеты, серебро, конечно.

Грошев снял с полки альбом в толстой обложке, положил на диван. Синцов попробовал взять альбом, с первого раза не получилось, альбом оказался тяжелый. Синцов вспомнил, что внутри серебро, металл плотный, и, прежде чем взять, напряг руки.

– Тяжелый...

– Ага. Ты представь, какие тяжелые альбомы с золотом.

Синцов расположился на диване, стал листать неповоротливые страницы и разглядывать убранные в кармашки монеты. Темное серебро, глубокое и немного мрачное, вот и все.

Если честно, монеты для Синцова были все одинаковые, различались только цифрами и размером, некоторые посветлее, другие темные.

– Смотрю, ты спец, – сказал Синцов. – Монетчик восьмидесятого левела.

– Я этим с восьми лет занимаюсь, – пояснил Грошев. – Со второго класса.

– Нумизматикой? – уточнил Синцов.

– Да ну, что ты, я не нумизмат.

– А как же... Все это?

Синцов указал на банку, указал на альбом, на мешки с монетами, расставленные по полкам и разложенные по верстаку.

– Это инвестиции, – ответил Грошев. – Вложение средств. Монеты, пластики немного, литые. Да много разного. Сейчас монеты популярны, все биметалл собирают, юбилейку, Олимпиада скоро, так что много где можно развернуться. Но это так, малоинтересно.

– А что интересно?

Грошев не ответил.

– Значит, ты антиквариатом интересуешься? – продолжал Синцов.

Грошев рассмеялся.

– Да какой это антиквариат? Это так, барахло.

– Барахло?

– Ну конечно. Почти все с помойки. Антиквариат – это другое совсем. Антиквариат – это вещи, которые и в свое время ценились. Кресло Людовика шестнадцатого там, или часы восемнадцатого века, или фарфор – вот это да, антиквариат. Но там суммы совсем иного порядка,

не для нас. А это так, руины. Еще пятьдесят лет назад эти вещи не стоили ничего, а сейчас у народа денег много стало, вот коллекционеров и развелось, все подряд собирают, собирают.

Грошев обмакнул губку в мазь и стал протирать железо, быстро, но старательно, со сноровкой.

– Кто-то коллекционирует светцы? – недоверчиво поинтересовался Синцов.

– А то! Еще как.

Грошев втирал мазь тщательными уверенными движениями, без суеты, со знанием дела.

– Коллекционируют все, что угодно, – рассказывал Грошев. – Самовары, краны от самоваров, колокольчики, утюги, гири, купеческие пломбы, гвозди, подковы, регулировочные колесики от керосиновых ламп. Вот светцы тоже собирают, кстати. Одни для прикола берут, другие для дизайна. Есть простые...

Грошев отложил губку, достал из ящика грубую железку, похожую на трезубец.

– Эти самые дешевые, их много осталось, чуть дороже металла, но все равно стоят. А есть художественные, как этот, например.

Грошев кивнул на светец, который он чистил.

– Этот можно уже хорошо продать. Даже очень неплохо, буржуйцы любят такую дребедень в особняках держать, их древнерусская тоска часто подгрызает. Киношники тоже охотно покупают для реквизита. Тут видел недавно фильмец про Александра Невского – головой об стену стучался, одни шишки.

Грошев несильно постучался головой о стену.

– На экране у них, значит, тринадцатый век, феодальная раздробленность, иго везде скачет, а вся бытовка из девятнадцатого, – Грошев презрительно поморщился. – Один шлем по очереди во всех крупных планах, да и тот времен Смуты. Конечно, люди не знают, люди думают, что все так и было, но себя-то уважать надо! Понятно, что вещей мало осталось, ну так ты хоть реконструктор толкового пригласи! А то художники и декораторы берут ржавое да кривое и думают, что в Великом Новгороде так и стояло!

Короткую речь эту Грошев произнес с некоторым пафосом, видно было, что если бы его допустили в реквизиторский цех, он бы достиг там зияющих вершин перфекционизма. Синцов подумал, что это стоит уважать, такую увлеченность.

– Впрочем, – Грошев улыбнулся. – Надо сказать спасибо их профнепригодности и исторической неразборчивости, благодаря этому мы имеем стабильный источник дохода.

Он допротер светец, поставил его в угол. Стащил с себя фартук, свернул, тоже спрятал в угол.

– Понравилось что? – Грошев кивнул на альбом, который Синцов продолжал держать на коленях.

– Вот эта, со звездой, – Синцов ткнул пальцем.

– Полтинник тысяча девятьсот двадцать второго года. Серебро. Не очень редкая монета, но сохран неплохой. Почти-почти анц. У тебя есть вкус, Костян.

– И сколько стоит?

– Для тебя четыреста. Это почти задаром, поверь, так она гораздо дороже.

Синцов задумался. Монета ему нравилась. К тому же он слышал где-то, что серебряную монету иметь полезно – если по пять минут каждый день перед сном вращать ее между пальцами, то, во-первых, будешь иметь крепкий сон, во-вторых, в старости тебя не замучает артрит, в-третьих, серебро проникнет в организм и осуществит в нем постепенное оздоровление. Монета выглядела солидно, на четыреста рублей явно тянула. Синцов согласился.

– Правильно, – Грошев забрал деньги. – Ты – потенциальный коллекционер.

– Почему?

Синцов достал монету из ячейки, зажал в кулаке, почувствовал ее тяжесть и чуть острые края.

– Все коллекционеры падки на халяву, – сказал Грошев. – Когда им предлагают что-то в два раза дешевле – они не могут отказаться, я-то уж знаю. А полтос реально хороший. Ты ее только с другими монетами ни в коем случае не клади, а то товарный вид быстро потеряет, покоцается, механика по гурту пойдет. В отдельном кармашке.

«РСФСР», – прочитал Синцов на монете. Пятьдесят копеек. Двадцать второй год... Гражданская война только-только закончилась. Или не закончилась? С историческими знаниями у Синцова не все обстояло окончательно благополучно, Синцов напряг память. Кажется, в это время собиралась денежная реформа. Или НЭП. Военный коммунизм закончился, НЭП еще не начался. Или начался. Монета красивая, без царапин, с блеском, только если совсем сошкуриться... И то нет.

– Может, ее в капсулу? – спросил Синцов. – Я видел в банке капсулы...

– Не, не надо. Пусть дышит. Она из мягкой ходячки, в патине, не пружина, нечего прятать. Да не такая уж и бесценная все-таки. А потом, я считаю, что монета без ходячки не монета, а так... Прелесть маньяка. Кофе будешь?

Грошев полил на руки из бутылки со спиртом, стал протирать тряпкой.

– Жарко же, какой кофе... – неуверенно возразил Синцов.

– Опять заблуждаешься, – Грошев тщательно, по одному, очищал пальцы. – В Бразилии жарко, в арабских странах жарко, а там все пьют кофе с утра до вечера. Так что кофе от жары – самое средство. И поболтаем заодно. У меня к тебе дело есть, так что надо кое-что обсудить.

– Кофе так кофе.

Грошев отбросил в сторону тряпку, подошел к кофемашине, накрытой старомодной кружевной салфеткой.

– Тебе какой?

– Эспresso.

– Эспresso так эспresso.

Грошев нажал на кнопку, машина забулькала, зафырчала паром, как маленький паровоз, замигала огоньками, Грошев подставил кружку. Синцов отметил, что машина тоже была модернизирована – решетка под разливной форсункой демонтирована, с тем чтобы использовать не маленькие европейские кофейные чашечки, а кружки настоящего русского размера. Для заполнения такой кружки Грошев запускал машину трижды.

– Не люблю, когда мало, – пояснил он. – Потом опять вставать, лучше уж сразу.

Синцов был с ним в этом солидарен, его тоже раздражали маленькие кофейные чашки. И хотя он сомневался, что кофе способен был бороться с жарой, но отказываться не стал, глупо ведь отказываться от хорошего кофе.

Себе Грошев налил кофе в кружку, достойную дизайна комнаты – начищенную, медную, похожую на маленькую кастрюлю. Синцов подозревал, что кружке этой как минимум сто пятьдесят лет, не меньше. Поднята с японского миноносца, это уж обязательно.

– Послушай, Костян, а ты надолго вообще в Гривск приехал? – поинтересовался Грошев.

Будет вербовать, подумал Синцов. В нумизматы. Вот и монетку подарил, и монетка мне понравилась. Теперь я загорюсь синим пламенем собирательства и потрачу на монеты все свои наличные деньги. Хотя вряд ли все так скучно, Грошев человек вроде интересный, наверное, придумал что-то другое. Хочет, чтобы я посмотрел у своей бабушки – не завалилось ли что в закромах?

– Я у бабушки в копилке рыться не стану, – предупредил Синцов. – Если ты про это хочешь поговорить...

– Не смейся, – перебил Грошев. – Кубышка твоей бабушки меня не интересует, у меня своей мелочи девать некуда, могу пару килограммов отсыпать. Не, Кость, до твоих семейных драгоценностей мне дела нет никакого. Видишь ли, здесь такая ситуация...

Кажется, Грошев стеснялся. Не знал, как сказать.

– Тебе может показаться странным мое предложение...

Грошев отхлебнул из медной кружки, Синцов насторожился. Сейчас начнет продавать. Или вербовать. Или сразу продавать и вербовать. Купи девять монет, а десятую получи бесплатно.

– Ладно, не знаю, как сказать в лоб, издалека начну.

Грошев уселся на другой диван, взял кружку уже обеими руками и стал их греть, точно и не лето.

– Я этим занимаюсь уже почти полжизни, – Грошев отхлебнул кофе. – У меня к этому... призвание, что ли. Можно сказать, дар.

Грошев постучал пальцем по голове.

– Я чувствую старые вещи. Я знаю, как с ними обращаться, знаю, где их найти и куда их девать. И где отыскать информацию. Это многих удивляет...

С этим Синцов был согласен, его это удивляло. В таком возрасте увлекаются обычно совсем другими вещами, а не монетами да ржавыми железяками. В игры гоняют, в Сети висят, влюбляются и расходятся навсегда... А Грошев ковыряется в металле. Собирает монеты. Нет, у каждого, конечно, в голове свои тараканы, но у Грошева это не тараканы, а жуки-носороги.

А может, напротив. Может, он как раз образец нормальности? Вместо того чтобы бесечно тратить драгоценное время жизни на бессмысленное топтание, он занимается делом. Необычным, но делом. Интересно, что ему нужно все-таки?

– Знаешь, многие считают меня... – Грошев постучал уже по виску. – Стуканутым. Взрослые тоже. Я не спорю, мне это даже выгодно, пусть, психов побаиваются. Но я сейчас не об этом. Видишь ли, я уже много лет на этом поле...

В третий раз сказал, подумал Синцов.

– ...И с некоторых пор я стал разбираться в этих вопросах гораздо тоньше. Это сложно объяснить...

Грошев пил кофе. Синцову уже почему-то не очень хотелось эспрессо, но отказываться было неудобно.

– Это что-то вроде карты, – сказал наконец Грошев.

– Карты?

– Да, примерно карта, это в наглядных образах если... Вот смотри. Сегодня утром я проснулся и решил провести ревизию металла.

Грошев обвел пальцем помещение и стал рассказывать.

– Надо было почистить, потравить кое-что, в прошлом месяце железа из металлоприемки наташили.

– То есть?

– Там у меня дядя работает, – пояснил Грошев. – Народ сдает металл, я иногда смотрю и покупаю, если интересное попадает. Так вот я стал чистить это железо, лампу заправил, зажег ее и стал работать. Кислотой немного еще поправил, думал до обеда все закончить, но тут отец в магазин послал. Изжога у него разыгралась, кефиру ему захотелось. Ну, я пошел за кефиром. А там ты в магазине, и, смотрю, сдачу тебе выдают. Я со Светланой знаком, она мне биметалл собирает, а сдачу я у всех автоматически проглядываю, глаз наметан уже. Смотрю, она тебе две тысячи третий выдает, так все и понял.

– Что понял?

– Что знак. Вполне себе читаемый знак – мне. Чужой человек... Кстати, твоя бабушка живет на Мопровской ведь?

– Да.

– Забавно...

– Чего забавного? – уточнил Синцов.

– Вполне может быть, что мы родственники. Бабушка Александра Захаровна?

– Баба Саша... – кивнул Синцов.

– Точно, баба Саша. Значит, мы... Четвероюродные братья, как-то так.

Синцов поглядел на Грошева повнимательнее и ничего похожего на себя не увидел. Но это ничего не значило, в таких городках, как Гривск, все друг другу четвероюродные и пяти-юродные родственники, так что вполне может быть. Шестиюродный брат Грошев.

– Это много объясняет, – сказал Грошев. – Многое...

Он тоже поглядел на Синцова придирчиво, видимо, в поисках родственных черт.

– И что же это объясняет?

– Это объясняет твою удачливость. Я...

Грошев сделал несколько неторопливых глотков из своей кружки, Синцов увидел, как на медном боку вспыхнули резанные медали, видимо, кружка была выдавлена из старого тульского самовара, не с миноносца.

– Я тоже удачлив, – сказал Грошев. – Даже больше, чем мне хотелось бы. К тому же у меня не просто удачливость, у меня чутье. Вернее, предчувствие. В собирательстве без этого никак совсем. Удача для собирательства – это как урановые стержни для реактора, на этом все основано.

Синцов не понимал.

– У тебя началась полоса удачи, – сказал Грошев.

– Полоса...

– Ага. Я, например, удачлив постоянно. Если мы будем работать вместе, концентрация удачи повысится. Мы ведь не случайно встретились.

– Это ты серьезно?

Синцов вдруг подумал, что зря согласился на кофе. Неизвестно, что он в этот кофе сыпал, а вдруг снотворное? Сейчас допью, отключусь, включусь, конечно, уже в гробу, воздух утекает, глазок видеокамеры мигает красным, и далекий псих синтезированным голосом предлагает мне вспомнить всех, кого обидел в жизни.

Нет, ерунда.

– Вполне серьезно, – подтвердил Грошев. – Я же говорю, с восьми лет сознательно коллекционирую. Поэтому ты уж мне поверь, в удаче я кое-как разбираюсь. Поэтому тебя и хочу привлечь. На удачу. Чего ее зря тратить-то?

Синцов промолчал.

– Не веришь? – отчего-то сочувственно спросил Грошев.

– Ну как-то... Не очень.

Совершенно не очень, подумал Синцов. Попахивает галоперидолом.

– Выражаясь современным языком, я хочу взять в аренду твою удачу, – сказал Грошев.

Сдается удача аккуратной семье без детей и собак, сохранность гарантируется, оплата вперед. Вот как.

– Как-то...

– Любому такое предложение показалось бы странным, – начал бубнить Грошев. – Любой бы подумал, что я псих, что я ненормальный, я все это понимаю и не спорю...

Синцов почесал голову. Неожиданное предложение, чего уж. Удача в аренду. Чем-то похоже на проданный смех, ну да, барон Треч и Тим Талер изобретают на пару маргарин, как же, внеклассное чтение...

– Если тебе сложно поверить, можешь отнестись к этому, как к работе, – сказал Грошев. – Сейчас лето, самое время поработать, мне нужен помощник. Сам я все это не разгребу, и ты мне вполне подходишь.

Ну да.

Синцов поглядел в окно. В огороде на длинных палках стояли самодельные флюгеры из пластиковых бутылок. В виде самолетов. Ветра не было. Грошев на мистера Треча не очень походил. Или походил, Синцов не помнил, как тот выглядит.

– А что, местных нет?

– С гривскими я не хочу связываться, – помотал головой Грошев.

– Почему?

– С конспиративными целями – это раз. Во-вторых... Я же говорил, местные считают меня ненормальным – и держатся подальше. Если они поймут, что я вполне себе вменяемый, все уважение пропадет. Страх тоже. Потом...

Грошев замялся.

– Потом, если я начну объяснять им про удачу и прочее – они меня пошлют куда подальше, они не верят в удачу, они верят в халяву.

– А если я тоже в удачу не верю? – поинтересовался Синцов.

– Ты не можешь не верить в удачу, ты вытащил из горсти мелочи две тысячи третий год, – уверенно сказал Грошев. – Удача у тебя здесь написана крупными буквами.

Грошев постучал пальцем по лбу.

– Так ты тут надолго? – спросил он.

– Не знаю. Как покатит... – ответил Синцов в печали.

– Спортсмен? – поинтересовался Грошев. – Летом спортсмены часто приезжают. Особенно по спортивной ходьбе которые. Эти еще... воркаутеры любят, по деревьям скачут, по лесу носятся. Ты ходок или воркаутер?

– Да не, я вообще, – ответил Синцов уклончиво. – У нас ремонт дома, вот и отправили бабушке помочь... Погреб надо выкопать.

– А, понятно. Копать зиндан, в трясину, в глушь, в Саратов. Бывает. Ничего, у нас тут тоже жизнь, особенно сейчас. Грибы, река, кино по субботам привозят. Интернет есть...

– Кстати, насчет Интернета, – перебил Синцов. – Я хотел спросить – модем на USB где можно найти?

– Модем... Модем – это легко.

Грошев щелкнул себя по подбородку, протянул руку, снял с полки коробку, из коробки достал модем, кинул Синцову.

– Спасибо.

– Да не за что.

– Сколько?

– А, – отмахнулся Грошев. – Сколько изъездишь, столько заплатишь.

Синцов кивнул, убрал модем в карман.

– Я тебе занятие хочу предложить, – сказал Грошев. – Ты не спортсмен, не рыбак, собираешься все лето пялиться в экран?

Вообще-то Синцов да, собирался. Сидеть и пялиться в экран. Ссылка в Гривск была единственной возможностью сидеть и пялиться в экран, и чтобы никто не жужжал над ухом и не пилит, и не призывал тратить время на полезные вещи. Бабушка пялилась бы в свой экран, а он в свой, так и возникнет гармония.

Вдруг Синцову стало... немного стыдно, что ли. Он увидел себя и бабушку как бы со стороны, поглощенных каждый своим эфиром, причем он был поглощен сильнее бабушки.

– Да не, не собираюсь, – ответил Синцов. – Просто... Не знаю, я хотел отдохнуть.

– В гробу отдохнем, – слишком серьезно ответил Грошев. – Да ты не бойся, это не мешки ворочать. Это легко и времени много не занимает.

– А что делать-то? – осторожно спросил Синцов. – Я просто не очень хорошо...

– Да ничего особо не надо делать. Перебрать монеты – у меня за зиму несколько мешков скопилось. На пункт цветмета еще пару раз съездим – железки посмотрим. В область, может, скатаемся, на барахолку. Ничего противозаконного, все абсолютно в рамках, не переживай.

– Не знаю...

Синцов поглядел на альбом с монетами, почувствовал в кармане тяжелый, как пуля, полтинник двадцать второго года.

С другой стороны, делать действительно нечего. Не слоняться же по городу...

– Если я прав – то ты еще и заработаешь, – сказал Грошев. – А если не прав... То тоже заработаешь, но меньше.

– Надо подумать...

– Чего тут думать? Хотя подумай, я не тороплю. Подумай и приходи завтра.

– Ладно, подумаю. Я вот что...

Грошеву позвонили, Грошев ответил и стал молчать в трубку. Синцов понял, что пора домой.

– Завтра приходи, – прошептал Грошев. – Завтра.

Синцов кивнул.

Дома бабушка уже не спала, читала через лупу оздоровительные журналы. Синцов не стал отвлекать, отправился к себе, под балдахин. Опробовал «свисток».

Интернет. Синцов заглянул на первый выскочивший нумизматический сайт и убедился, что два рубля две тысячи третьего года монета редкая. Вполне себе редкая. И что полтинник двадцать второго тоже денег стоит.

Глава 4. Брат-разновидчик

Мимо Синцова пролетела «Тойота». Большая, черная, полированная, «Лендкрузер». Новенький и густо облепленный большими красно-желтыми наклейками, Синцов не успел прочитать, что там написано, но он и так примерно знал, что: «Паркуюсь где хочу», «Я – автохам», «Отклей, если сумеешь», ну и все в том же духе. Гривск стремительно приобщался к благам цивилизации, по-видимому, тут теперь, как и везде, имелись пробки, парковочное быдло и общественники-борцы с этими негативными проявлениями глобального мира.

Синцов отметил, что улица Диановых, на которой проживал Грошев, не очень соотносилась с бешеным «крузером», но судя по всему, Гривск становился городом современным, и местных автолюбителей совсем не смущало недостойное их техники состояние дорог.

Синцов отряхнул пыль, осевшую на нем после промчавшейся машины, и полюбовался кустами неизвестного растения, которое буйно цвело белыми цветами. Цветов этих было так много, что запах висел над дорогой. А еще, когда Синцов проходил мимо этого растения, в него врезался толстый зеленый жук.

Это, однако, настроения Синцову не испортило.

Всю дорогу до улицы Диановых Синцов размышлял. Ситуация складывалась необычная. Получалось, что Синцов устроился вроде как на работу, но не в организацию, а как бы к частному лицу. Только это частное лицо было одного с ним возраста, поэтому Синцов не знал, как к этому правильно относиться.

Минусом было то, что в объяснения Грошева, для чего ему нужен помощник, Синцов верил не до конца. «Удача в аренду» звучало диковато, если честно. Возможно, это была специфика Гривска, городок, кажется, необыкновенный, так что и жители тут могли быть тоже вполне необыкновенные. Дело в размерах, размышлял Синцов. В большом городе оригиналы кучкуются друг с другом, по своим тусовкам, поэтому они не так заметны. В городках маленьких все наоборот, оригиналы варятся в своем соку, вброшенные в массу остального народа, и от этого видны, как клюква в чернике, и представляются оригинальнее, чем есть на самом деле. Если бы Синцов встретил Грошева в своем городе, то вряд ли бы Грошев показался ему каким-то уж сверхвыдающимся.

Вот, допустим, в большом городе оригиналы решают устроить флешмоб в торговом центре, договариваются через соцсети и в урочный день урочный час дружно читают, сидя на фонтане, «Преступление и наказание». А вот некоему Грошеву нужен помощник для перебора мелочи. Да, хобби необычное, но не из ряда вон выходящее. Сам не справляется, привлечь соседей в помощь нельзя – этим только укрепишь славу припудренного чудака, поэтому и приходится знакомиться с приезжим, приезжий что – приедет и уедет.

Это тянуло на объяснение. Хоть какое то. От попыток решить уравнение, в котором состояли почти одни неизвестные, у Синцова заболела голова, и он решил подумать о плюсах.

Плюсы в предложении Грошева тоже присутствовали, и их оказалось немало.

Деньги. Синцов никогда не работал. Нет, он работал в летнем лагере, но это было не по-настоящему, поскольку деньги ему тогда не требовались, а Синцов полагал, что реально только работа, вызванная необходимостью, все остальное есть баловство и дурь. Нет, он и сейчас в деньгах не нуждался, но ему вдруг они стали... интересны, что ли. Полтинник продолжал непривычно оттягивать карман жилетки, и именно эта тяжесть отчего-то воздействовала на Синцова, ему вдруг захотелось ее преумножить. Он еще не мог придумать, зачем ему эти деньги потребуются, но уже вдруг их захотел. Вторую монетку в карман положить, как-то так.

Время. Время оставалось более важной проблемой. Его было слишком много. То, что в Гривске нечего делать, Синцов знал заранее и готовился к этому. Но дурацкое предложение

Грошева позволяло отчасти решить эту проблему. Занять время, убить время, подергать его за вихры.

Интерес. Синцову было интересно. Синцов никогда не пересекался с нумизматикой, сфрагистикой и прочей фалеристикой, полагал, что этим занятиям отдают должное сугубо пенсионеры со впалыми щеками, в лучшем случае люди далеко за сорок, а оказалось, что нет, оказалось, что и молодежи они не чужды. Во всяком случае, некоторой ее части.

Плюсов насчиталось больше, весомых поводов для того, чтобы отказаться, не нашлось. А потом, родственник как-никак попросил, а Синцов всегда относился к семейным делам с большим уважением.

Черный «крузер» стоял напротив дома Грошева. Водитель находился снаружи и всюду пытался отчистить круглые блямбы со своего автомобиля, делал он это с помощью черного слова и ножа-бабочки. Такими ножами обычно пользовались мексиканские картельерос в американских фильмах, однако владелец ножа и автомобиля на гангстера не походил. То есть походил, но не на латиноамериканского, а на итальянского – это Синцов определил по костюму. Весной они всей семьей ездили выбирать костюм отцу и выбирали полдня, с тех пор Синцов немного разбирался в дорогих костюмах средней ценовой категории. У владельца «Тойоты» костюм был дороже. Такой итальянский браток из клана какого-нибудь дона Джузеппе, для своих Джузи.

Мафиозо пытался отлепить ножом наклейку, и у него это не очень хорошо получалось. Бумага крошилась на множество мелких кусочков, которые прилипли к пальцам, что создавало комический эффект.

Синцов не спеша обогнул автомобиль и направился к калитке дома Грошева. Осторожно ступая, опасаясь, что ему в спину прилетит...

– Эй, пацан, ты к Чяпу, что ли? – спросил братковатый.

– К кому? – осторожно не понял Синцов.

– К Чяпу. Ну, к Петьке Грошику.

– А, да, к нему.

Синцов остановился и повернулся.

Братковатый приближался, стараясь оторвать от пальцев кусочки бумаги.

– Скажи Чяпу, чтобы сюда двигал, – сказал гангстер. – Скажи, что Лоб к нему приехал и теперь тут стоит, и что ему нужен растворитель. Или уайт-спирит. Ты в курсах, что такое уайт-спирит?

– Растворитель.

– Во, растворитель. Пусть сюда растворитель тащит, да по-быстрому.

– Угу.

– Давай поскорее, а то у меня через два часа встреча, машина нужна...

Синцов поспешил.

Дома у Грошева не было никого, во всяком случае, в прихожей Синцов никого не увидел и не встретил, сразу направился на территорию Грошева. Чем ближе он приближался к двери мастерской, тем сильнее пахло едучей химией – Грошев был дома и работал. Явно работал, только ради работы стоило разводить такую плотную аммиачную вонь.

Синцов приблизился к двери и аккуратно ее открыл, постучав в косяк. Из-за дверей вывалился почти видимый аммиачный газ, Синцов закашлялся и схватился за глаза.

– Не бойся, он только едучий, – успокоил из глубин жилища Грошев. – Насмерть не отравишься. Входи.

Синцов вошел.

Со вчерашнего дня тут произошли некоторые изменения. Денежные мешки были забраны черным полиэтиленом, на верстаке вместо электронных устройств стояли баночки, бутылочки, ванночки и другие емкости с разноцветными порошками и жидкостями. Гудело

несколько спиртовок, под подоконником краснел газовый баллон, от которого к верстаку тянулся металлизированный шланг.

Возле входа стоял большой огнетушитель на колесах, раньше Синцов видел такие только на бензоколонках и в автосалонах, серьезный такой огнетушитель. Профессиональный. Грошев, видимо, следил за безопасностью, безопасность его волновала.

– Немного работаю, – сказал Грошев.

– Вижу...

В углу у окна было расположено устройство, похожее... Синцов так и не смог для себя определить, на что похожа эта конструкция, пожалуй, больше всего на новогоднюю елку. Множество кронштейнов, с хитроумными подвесами, в которых как рождественские игрушки крепились монеты разной степени ржавости. Возле «елки» с кисточкой в руке стоял Грошев, он разглядывал монеты через лупу и иногда обмахивал их кисточкой.

– Первичная очистка, – пояснил Грошев. – Так удобнее, и видно... общее состояние.

– А потом? Кислотой, что ли, травишь?

– Упаси господь, – усмехнулся Грошев. – К монетам с кислотой нельзя вообще, даже лимонной. Это я так, экспериментирую... А чищу просто – водой, очень осторожно детским мылом, кисточкой, ватными палочками, иногда просто пальцами.

– Пальцами?

– Ага. Старинные способы, секретные техники Гипербореи... – Грошев зловеще пошевелил пальцами. – Древняя арабская методика полировки металлических предметов. Смотри, называется «железная щепоть».

Грошев достал из кармана серебряную ложку, постучал ею по верстаку, извлек деревянный звук. Затем взял ложку, сжал ее за плечики, уставился экстрасенсорным взглядом, нахмурил брови.

Ложка согнулась.

Синцов не впечатлился.

– Хитрая магическая ложка? – спросил он. – Такие продают в магазинах для хобби, да?

– Железные пальцы, – возразил Грошев. – Если тренироваться каждый день на протяжении нескольких лет, можно достигнуть впечатляющих результатов. Серебро пластичный металл, легко плавится.

Грошев бросил ложку на верстак. Синцов взял, чтобы посмотреть, ложка была настоящая и согнута по-настоящему. Значит, не фокус, значит, действительно сила пальцев. Или хороший фокус.

– Пальцы, кстати, один из лучших способов полировки, бороздки на коже просто идеально подходят для этого. А со временем они становятся только толще...

Синцов понял, что сейчас ему прочитают очередную лекцию, поэтому перебил:

– Там к тебе приехали.

– Кто?

– Парень на черном «круизере». Сказал, чтобы ты ему растворитель вынес.

– А, это тогда, наверное, Лобанов. Надо идти, Лоб человек занятой и нетерпеливый, лучше его не задерживать.

Грошев протер руки, взял с полки бутылку с прозрачной жидкостью и выскочил на воздух. Синцов двинул за ним.

В коридоре возле окна стоял отец Грошева и нервно смотрел на улицу, на машину, на Лобанова и на Петра. Ему явно не нравилось, что Грошев общается с такими людьми, явно, но вмешиваться он не вмешивался. Синцов поздоровался с отцом Грошева, тот поглядел на него с какой-то надеждой и приязнью, точно Грошев-старший обрадовался появлению Синцова, чуть ли не ждал его.

– Погода сегодня хорошая, – зачем-то сказал Синцов.

– Погода хорошая, да. Как твоя бабушка?

– Нормально.

– Ей мед не нужен?

– Не знаю. Я спрошу.

– Скоро будем качать, – грустно сообщил отец Грошева. – У нас луговой, она любит. В этом году будет хороший мед. Ты сам-то любишь мед?

Синцов мед любил, но сказал, что не любит, испугался, что сейчас еще и отец Грошева прочитает ему лекцию, только уже по медостроению, поэтому он сказал, что мед не любит и что он должен помочь Петру на улице. Но про мед бабушку пообещал спросить.

На воздухе было хорошо, Грошев бродил вокруг черной машины и разглядывал наклейки. Лобанов ходил за ним. Синцов приблизился. Грошев обошел вокруг машины еще раз, покачал головой. Лоб попробовал оторвать наклейку, но она держалась крепко, удалось оторвать лишь незначительный кусочек.

Восемь штук, сосчитал Синцов. Кто-то постарался и основательно оклеил машину Лобанова.

– И кто это тебя так? – Грошев кивнул на наклейки. – Поклонницы?

– Кто-кто, твоя припадочная, – ответил Лобанов. – Пошел в «Рассвет» пообедать, взял пельмени, сижу, ем, смотрю – лепит.

– Возле «Рассвета» парковка запрещена, – напомнил Грошев.

– Запрещена, да, – согласился Лобанов. – Я что, спорю, что не запрещена? Пожалуйста, вызывай гаишников, твое право. Наклейку клей – я что, против? Нарушил – получил, все как надо. Но зачем восемь-то лепить? Так она восемь штук наляпала! Восемь! Я ей говорю – девушка, зачем вам такое, одной за глаза хватит. А она остановиться не может – лепит и лепит, да еще говорит, что она за мной уже неделю следила – я ведь каждый день у «Рассвета» обедаю. И все эти восемь дней она фиксировала на телефон, поэтому я должен получить восемь наклеек! Во как!

Машина походила на черный мухомор, нарядная и несерьезная, яркое веселое пятно посреди общей заурядности улицы Диановых.

– Я ее по-человечески просил, – продолжал Лобанов свою печальную повесть. – Одной хватит, я осознал, не надо восемь, а она лепит и лепит. Что мне ее было – пинками отгонять? Вот, теперь поглядите что.

– Красиво, – согласился Грошев. – Как тебе, Костя?

– Оригинальный фасон, – сказал Синцов. – Божья коровка из ада.

Грошев посмеялся.

– А это, Чяп, что, дружан твой? – кивнул Лобанов на Синцова. – Тоже по монетосам?

Интересно, почему Чяп, подумал Синцов? Необычное прозвище, хотя Грошеву почему-то идет. Чяп. Чяп-Чяп.

– Мой брат, – представил Синцова Грошев. – Константин. Да, тоже нумизмат. Разновидчик. Брат-разновидчик.

– Ого, – с уважением кивнул Лобанов. – Разновидчик – это реально. Сионистский рубль, злой Толстой, все дела.

– Ну да, – кивнул Синцов.

Хотя ни про сионистский рубль, ни про злого Толстого Синцов понятия не имел.

– Говорят, скоро Питерский двор закрывают для ходячки. Правда?

– Возможно, – уклончиво ответил Синцов. – Пока еще до конца не ясно, его то и дело закрывают.

– Мне в позапрошлом году на заправке полтинник две тысячи седьмого отсыпали, – сообщил Лобанов одновременно с печалью и раздражением. – Но непростой, а перепут с пятью

копейками. Я тогда про разновидности не в курсах был совсем, думал, что просто кривая монета, на сигареты не хватало, так я ее в ларек и сдал. Прикидываешь?

Видимо, сдача этого полтинника в ларек была фатальной ошибкой, поскольку лицо у Лобанова сделалось катастрофическим, а у Грошева сочувственным.

– С каждым могло случиться, – посочувствовал Синцов. – Я поначалу тоже часто косячил, потом привык. Главное – учить матчасть.

Про матчасть Синцову понравилось самому, читал на каком-то форуме, сейчас применил.

– Он вообще матерый разновидчик, – добавил Грошев. – Определяет штемпель с полувзгляда. Большой специалист.

Синцов кивнул.

– Уважуха, – Лобанов протянул руку.

Синцов робко протянул руку в ответ, опасаясь, что Лобанов выдернет его на себя и бросит через бедро.

– Лоб, – гангстер поймал руку Синцова, сжал сильно, как полагалось приветствоваться конкретным людям из Палермо.

Вот и познакомились.

– Вовремя у тебя брат приключился, – улыбнулся Лоб хорошими зубами. – Я тебе как раз тут кое-чего подогнал, как договаривались.

Лоб достал из кармана плотный полиэтиленовый сверток, из свертка темные серебряные монеты, нанизанные на грубый шнурок. Монисто, вспомнил Синцов.

– Как? – самодовольно спросил Лоб.

– Не знаю... – зевнул Грошев. – Смотреть надо. А так... Грамм триста плохого серебра.

– Но монетосы-то реальные, – принялся убеждать Лобанов. – Я посмотрел, есть нечестные...

Грошев брезгливо взял монисто, убрал в карман, спросил:

– Все?

– Нет, конечно, не все.

Лоб открыл багажник «Тойоты».

– Забирайте, пацанчики, – сказал он. – Ваши труды приехали.

– Опять лом? – без энтузиазма поинтересовался Грошев.

– Какой лом, ты, Чяп, не путай! Смотри, я тут хорошей солянки добыл, – сообщил Лоб. – Пять мешков с рублями, на семь с половиной штук. Будет что вам перемышть, выгружайте, что ли.

В багажнике кучкой белели матерчатые мешки с опломбированными бирками, Грошев стал выгружать, Синцов стал помогать. Деньги оказались тяжелые.

– Там, Чяп, еще коробок. Все, как ты заказывал.

Почтовую коробку, в которой что-то интересно позвякивало, Лоб вручил Грошеву в руки, Грошев убрал ее под мышку.

– Нормально, – кивнул Грошев. – За неделю разберусь, может, за две. Братан вон поможет.

– Помогу, а чего, – согласился Синцов.

– Не торопитесь особо, – махнул рукой Лоб. – Я все равно домом буду занят, времени не останется. А, у меня еще ведро...

Лоб углубился в багажник, вытащил трехлитровое пластиковое ведерко, закрытое лопухом. Ведерко он вручил Синцову. Тяжелое оказалось.

– Там какалки разные, нарыл слегонца, может, что интересное попадется.

Синцов заметил скептическое выражение, промелькнувшее на лице Грошева.

– Короче, пацаны, работайте, – усмехнулся Лоб.

– Как скажешь, – кивнул Грошев. – Лето длинное.

– Да, длинное... А с этим-то колхозом можно что сделать?

Лобанов похлопал по наклейке.

– Конечно, – кивнул Грошев. – Сейчас все наладим...

Грошев открыл бутылку с прозрачной жидкостью, запахло спиртом.

– Полировку не поведет? – настороженно спросил Лобанов. – Если лак съедет, я потом его здесь уже не положу, придется в область гнать.

– Не боися, – отмахнулся Грошев. – Все будет четко. А это тебе.

Грошев сунул бутылку Лобанову.

– Протри руки, а то скоро намертво пристанет, потом с кожей срезать придется, – посоветовал Грошев.

Лобанов взял бутылку, вытянул зубами пробку и стал поливать руки, а потом не удержался и жестом из старых черно-белых фильмов вылил пригоршню спирта себе на шею.

Грошев тем временем занимался наклейками. Он размял пальцы, погладил круглую бумажную блямбу на лобовом стекле, подцепил ее ногтем. Попробовал то есть подцепить, блямба сопротивлялась, но Грошев был ловок и все-таки победил, отклеил краешек. Затем произошло следующее, Грошев выдохнул и невидимым рывком сорвал наклейку. Скомкал, сунул в карман.

– Золотые руки, – Лобанов похлопал Грошева по плечу. – Слава о нем дошла до самых отдаленных частей нашей великой страны.

Грошев сорвал вторую наклейку. Наверное, у него действительно непростые пальцы, подумал Синцов. Во всяком случае, наклейки отрывались одна за одной. Легко.

– Одну оставь, – остановил Лоб Грошева на восьмой.

– Зачем?

– Хочу посмотреть, сколько продержится. Ладно, пацаны, я поехал.

Лобанов запрыгнул в машину и укатил, Грошев и Синцов потащились в дом.

Отца Грошева на веранде уже не было, пахло табаком и валерьянкой. В комнате Грошева химический запах сделался крепче.

Грошев сгрузил мешки с монетами в ящик, коробку со звоном поставил на подоконник, открыл и стал смотреть внутрь нее с умилением.

Синцов сел в кресло, придвинул ведро, снял лопух с ведра. Внутри оказались, конечно же, монеты. Разного размера, разного цвета, очень старые и очень плохие. Если бы Синцов не знал, что Грошев интересуется монетами, он никогда не подумал бы, что это они. Мутные кружки, покрытые плесенью, или ржавчиной, или застывшей землей, на большинстве вообще ничего не виделось.

– Вы с Лобановым монеты ищите? – спросил Синцов и достал из ведра монету.

– Ищем? Не, не ищем. Мне не интересно искать, – поморщился Грошев. – То есть интересно, конечно, но не так... Знаешь, первые монеты мне вообще дедушка подарил. Он после войны жил в Макарьевском районе, а отец его, мой прадед, был трактористом. Ну, мой дед помогал отцу на поле, а потом ходил по пашне и собирал монеты прямо из земли. Серебро часто попадалось, его они продавали, а медь тогда и не нужна была вовсе, дед ее в ведро собирал. Сначала в одно, потом еще. Так мне четыре ведра и достались по наследству. Папка выкинуть хотел эту ржавчину, а я посмотреть решил.

Грошев усмехнулся, достал из коробки небольшую вазочку, полюбовался, убрал обратно.

– И что?

– Хватило папке на «шестерку», – ностальгически вздохнул Грошев. – И в отпуск съездили. Но это давно было, сейчас бы дороже ушло. Там, помню, денег восемьсот пятого была в очень неплохом состоянии.

– Откуда деньги в полях? – не понял Синцов.

Он перевернул монету, другая ее сторона была мелкодырчатая, как лунный пейзаж.

– Примета раньше была, – ответил Грошев. – На хороший урожай кидали монеты. Потом теряли много в полях всегда. Вот и представь, если полю лет двести или того больше? А плуг при распашке поднимает по сорок сантиметров, монеты наверху оказываются. Иногда старые монеты даже в сорочьих гнездах находили. На чердаках, в копилках, везде. Конечно, такие монеты много не стоят, но...

Золотые руки, вспомнил Синцов.

– Но их можно почистить, – сказал он и кивнул на елку.

– Предпочитаю термин «ремонт», – поправил Грошев. – Ремонт гораздо осмысленнее. Я не люблю искать, ремонт – это не азарт, ремонт – это созидание, творчество. Чтобы из какалика...

– Из чего?

– Из какалика.

Грошев кивнул на ведро Лобанова.

– Это так называемые какалики, – сказал он. – Убитые монеты, пролежавшие в земле слишком долго. Земля их съела, она любит... почти ничего нельзя разобрать, попробуй сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.